



БЫТИЙНОЕ ФАНТАЗИИ

Между Явью и Навью

Александр МАЗИН

а также:

Андрей Ермолаев, Наталья Ильина, Алексей Келин,
Марина Крамская, Анна Мезенцева, Владимир Орестов

**Владимир Орестов
Анна Мезенцева
Наталья Ильина
Александр Владимирович Мазин
Андрей Ермолаев
Марина Ильинична Крамская
Алексей Келин
Между Явью и Навью
Серия «Былинное фэнтези»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68004605

Между Явью и Навью: сборник / Андрей Ермолаев, Наталья Ильина, Алексей Келин, Марина Крамская, Александр Мазин, Анна Мезенцева, Владимир Орестов; под общей редакцией Александра Мазина.: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149798-9

Аннотация

«Грядут страшные времена, сбывается пророчество Бояново: истончится Грань Миров и падет Тьма на землю Русскую». Так сказал великому князю киевскому Мстиславу Владимировичу, последнему из рода, последний из великих чародеев Черномор.

Пришло время невозможного. Время, когда на одной стороне окажутся христианские священники и жрецы языческих богов. Когда богиня Жизни и богиня Смерти забудут о распрах.

Тьма надвигается.

Скачут по беспокойной, измученной усобицами Руси гонцы великого князя, везут в заговоренных сумах священные амулеты.

Много будет жаждущих заполучить такой, но лишь истинным богатырям суждено обладать ими.

И не по силе рук будут избраны они, а по силе подлинной и исконной – силе Духа.

Иным не сдюжить, когда падет Грань Яви и Нави и нависнет над миром живых смертная тень Нагльфара, Корабля Мертвецов.

Содержание

Пролог	6
Александр Мазин	12
Наталья Ильина	21
Владимир Орестов	84
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Между Явью и Навью

Сборник под общей редакцией Александра Мазина

© Авторы, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Дизайн и рисунки на обложке: Светлана Сапега

*** * ***

Пролог

Мстислав, великий князь киевский по праву меча и родства, прищурясь глядел на клубящуюся Тьму.

– Держится Кромка? – спросил он не поворачивая головы.

– Держится. До времени.

Его спутник, широкий в плечах, но худой, будто высушенный, воином не был. В обычном понимании. Но страшились его более, чем самого грозного богатыря.

Имя его было – Черномор. Черная Смерть. Смерть многих. Неотвратимая и страшная.

Назвали его так печенег. И – прилипло. И стало гордостью.

Как говаривал Олег Вещий, сначала наставник, а потом друг Черномора: «Мы, стражи, добро для Руси. И нам должно быть страшней тех, кто зло. Иначе как победить?»

Он был мудр, Олег Вещий. И жил в те времена, когда Тот, Который Есть Любовь, еще не пришел на Русь.

Иногда Черномору думалось: лучше бы и не приходил. Чтобы никто не усомнился: есть только один путь – большей силы и большего страха.

– Митрополит Михаил сказал: «Христос спасет», – без особой уверенности проговорил великий князь.

Черномор промолчал. Но Мстислав его и без слов понял.

Не Христос помог Мстиславу, когда тот умирал от волш-

бы брата. Брата, которого он пощадил там, на поле близ Листвена.

Черномор спас. Обратил проклятие на проклявшего – и перешла мучительная смерть с одного брата на другого.

Но правы и христиане, когда говорят: зло порождает еще большее зло. Сгинул во тьме Ярослав Хромец. И, захлебываясь кровавой рвотой, умирая той смертью, что была уготована Мстиславу, успел-таки ненасытный братоубийца выхаркать последнюю волю: «Я вернусь!»

И вот он возвращается.

Спасет ли Тот, Кто сказал: «Каждому воздастся по вере его»?

Но крепка ли вера в Него на Руси?

Черномор знал ответ. Была б крепка – не истончилась бы Кромка меж Явью и Навью и не полезли бы мертвые в мир живых.

К счастью для мира, не одной лишь людской верой жива Русь, но – кровью верных.

К счастью для Руси, но не для них.

– Кровь отворяет врата, кровь их и закроет, – сказал Черномор Мстиславу три месяца назад, глядя на закатное небо с дозорной башни киевского детинца. – Кровь богатырей. Призови их, чтоб были они с нами, когда настанет срок.

– А когда он настанет? – спросил тогда Мстислав.

– По Боянову стиху, беда придет после Купалина дня, – ответил Черномор.

– Скоро совсем, – проговорил великий князь Мстислав Владимирович, прозванный Храбрым, и поежился, будто стало вдруг холодно под собольим плащом.

– Скоро, – согласился Черномор. – Ежедневно вижу его во сне.

– Брата моего? – спросил Мстислав.

– Нагльфар. Корабль мертвецов. Брат твой – тоже на его палубе. Вместе со своими нурманами.

– Мы убили их однажды! – жестко произнес Мстислав. – Убьем еще раз, если понадобится!

– Так и будет, – не стал спорить Черномор. – А пока вели гриди своей капищ более не жечь и жрецов старобожьих не бить. И другим не давать. К худу это.

– Я их и не бил никогда, – покачал головой Мстислав. – То отец мой и брат мой...

Он вспомнил брата своего Ярослава, его строгое лицо, дивно спокойное, когда Ярослав сказал ему там, на поле близ Листвена:

«Моя жизнь – в твоей власти, брат. И я ее принимаю».

– Я не пролил крови брата, – сказал Мстислав. – Я его простил. И смерть братьев наших ему простил.

– А другие – нет. Отец твой стол взял братоубийством! – по-вороньи хрипло каркнул Черномор. – Навлек проклятие на землю нашу и род свой. Вину его христианский бог на себя принял. Но что в том зачатоу в ненависти? Не мог стать преданным сыном тот, кто зачат силком в ночь великой кро-

ви. По обычаю Ярослав был в своем праве: мстить за деда, за дядьев, за мать...

– Христос говорит иное, – вздохнул Мстислав.

– Ты веришь? – спросил Черномор.

– Не мне о вере судить, – качнул головой Мстислав. – Мне о людях заботиться. Я – великий князь, но в час беды все ли за мной пойдут? Север помнит Ярослава. Их кровь на клинках моей дружины. Север против юга, христиане против язычников... Нам и умертвий не надо, чтобы кровь лить в усобицах.

– С христианами я договорился, – сурово произнес Черномор.

– Ты? – Мстислав удивился.

Кем только не полагали Черномора: ведуном, колдуном, жрецом вышних... Иные даже – стражем Калинова Моста. Но уж христианином его точно никто не считал.

– Митрополит Киевский Михаил в вере своей тверд. Но не слеп. Проникся. Наложил на богатырские знаки печать Веры.

– Христианской Веры? – уточнил Мстислав.

Черномор кивнул, но уточнил:

– Не обязательно быть христианином, чтобы принять знак. Главное – свобода от Тьмы. А мое плетение сотворит остальное: опознает истинного богатыря, веры родной и земли хранителя, достойного принять и силу, и бремя ее.

– И сколько их, знаков этих?

– Тридцать три. Более не требуется. А от тебя требуется: раздать их верным людям и отправить тех путями Бояновыми.

Мстислав поглядел на спутника, потом – на Тьму, и снова – на Черномора.

– Путями Бояновыми?

– Пророчество, – напомнил тот.

И вдруг заговорил нараспев, будто гусяр:

– Первым из призванных будет он, владыка клинков из закатного края, слуга престола каменного. И страшной станет служба его, и будет она точно замковый камень, выпавший из гнезда.

Проговорил, вздохнул, потер лоб:

– То первый будет, княже. А у второй даже имя названо: Залог. Еще сказано: глаза ее – как солнце в разрыве туч. Влага ее – дар непрошенный, знак ее – птах без имени, ибо неждан приход ее и нет ее в кругу призванных.

– Залог, значит? А у первого даже имя неизвестно. – Великий князь поглядел на чародея. Снизу вверх поглядел, хотя сам роста был немаленького. – И как их сыскать по таким стихам?

– Этих двух искать не надо. Сами найдутся. А где искать третьего – я знаю. Да ты и сам догадаешься. – И опять нараспев: – Сильный духом, верный роду двух рек, двух путей и двух солнц, встанет один против всех, но не падет на него тень крыльев сокола.

– Ты прав, – согласился Мстислав. – Знаю я, о ком речь. И где его искать – знаю. Но захочет ли он сам... отыскаться?

– Найдется, – уверил Черномор. – Ты, главное, воев подбери правильных. Вон Сувору поручи. Он – дотошный. Пусть проследит, чтоб слова правильные наизусть вызубрили. И чтоб с каждым отрядом непременно двое слуг божьих: старой веры и новой. Мы уж с владыкой Михаилом постараемся таких выбрать, чтоб силу имели и меж собой не передрались.

– Три десятка и еще три. Столько по Бояновому стиху. А скольких примут стоячие камни?

– Много званых, да мало избранных... – пробормотал Мстислав, глядя на черные с прожелтью клубы, накрывшие степь, и вновь поежился. – Думаешь, Сувор? Он для войны хорош. А тут ведь не только воины. Жрецы нужны, монахи. Да так подобрать, чтоб в дороге не передрались.

– Это война и есть. Сувор справится! – отрезал Черномор. – Пришло время богатырей. Их время.

– Их или наше? – спросил Мстислав, не сводя глаз с Тьмы.

– Их, – тихо, почти шепотом, произнес Черномор. – Наше на исходе. – И добавил уже совсем беззвучно: – Здесь – на исходе.

Александр Мазин

Душегуб

*Сильный духом, верный роду двух рек, двух путей
и двух солнц, встанет один против всех, но не падет
на него тень крыльев сокола.*

Бояново пророчество. Стих седьмой¹

На крыльцо вышли трое. Немолодой уже, толстоусый гридень, с золотой гривной великого князя киевского на груди, черный, как ворона, длинный и тощий монах и плечистый, с распущенной по плечам гривой жрец-волох², с посоха которого щерилась по-доброму собачья голова с ушами-крыльями.

Толпа загомонила. Соседство монаха и жреца людям было удивительно.

– Люд плесковский! Слушай! – закричал глашатай воеводы, дородный, важный, издали похожий на боярина. – Великокняжье повеление! Слушай!

Толпа утихла. Всем было интересно: что киевские скажут? На дай боги, новый налог какой назначили...

Не налог. Хуже.

¹ Здесь и далее автор эпиграфов Александр Мазин.

² *Волох* – служитель бога Волоха (Волоса, Велеса). – *Здесь и далее примечания авторов.*

– Я – голос великого князя киевского Мстислава Владимировича! – грозным басом прогудел гридень. – Он говорит: «Сбывается пророчество Бояново! Истончилась грань между Навью и Явью³, землей и Преисподней! Порушены границы меж мирами людей и тварей! Злая сила идет на крепость земли Русской! Страшная сила!»

Воин умолк. Эхо его голоса несколько мгновений металось по площади, а потом утонуло в рокоте толпы.

Князь плесковский⁴ Турбой, в крещении Константин, невысокий, смугловатый, лицом и статью более схожий с матерью, чем с отцом-варягом, убитым свеями покойного Ярослава, выждал некоторое время, потом махнул рукой – и, перекрывая шум, поплыл над головами звон вечего била.

Взвились и закаркали воробы, вечные алчные спутники человеческих толп.

– Тише! – взвился крик глашатая.

– Русь сильна! – рывкнул воин Мстислава. – Великий князь, дружина его, люди его уже встали на пути вражьем! Однако не устоять им, ежели не поднимутся рядом с ними лучшие, богатыри русские, вои славные да люди мудрые, тайны ведающие! Так сказано Бояном Вещим! Так тому и быть!

– Потому мы здесь, люди плесковские! – подхватил речь воина монах. – Избрать угодных и указать им истинный

³ *Явь* – мир живых, *Навь* – мир мертвых.

⁴ *Плесков* – старинное название города Пскова.

путь!

Выговор у монаха был правильный. Не ромей, значит. Из русов.

– Говорит Господь: много званых, да мало призванных!

– Нам ваше призвание – до курьей гузки! – пронзительно выкрикнул кто-то из толпы. – Все вы, киевские, под себя тянете! Отощали совсем от поборов ваших!

– То-то ты отощал, Кошель! – хохотнул Турбой. – Аж брюхо в кафтан не влазит!

– А я не за себя! – Крикун протолкался вперед. – Я за люд плесковский радею! Зло, слышь, оно везде лезет, не в одном лишь Киеве ихнем. Вот вчера на выселках упырь мальчика уволок! На Ситней гати водяники целый обоз сгубили! А ты – в Киев! Киев ваш и так крепок. А ты еще и воев с нас требуешь! Свой град защитишь, а наш – падет! Так я говорю, люди плесковские?

Толпа одобрительно загудела.

– А еще тати Хилька с зимы озоруют! Людей наших как курей режут! А ты, князь, их извести не можешь! Что молчишь? Я правду говорю!

– Знаю! – рявкнул Турбой. – Перуном... и Христом клянусь: убивцам смерть будет! Скорая и неминуемая!

– Это ж когда будет! – закричали из толпы.

– Киевским – лучших людей, а нашим – пропадать! – завопил Кошель, срывая с головы шапку.

Турбой погладил усы, чтобы скрыть усмешку. Скрыть от

киевских.

– Нет тут ваших и наших! – надрываясь, закричал Мстиславов гридень. – Есть вся земля Русская! Она как крепость, которую оборонить нужно! Но Киев – врата той крепости! На врата – самый страшный удар! Падут врата – вся крепость врагу отдастся!

Его не слушали. Толпа вновь загудела. Похоже, не убедил ее киевлянин.

И тогда вступил волох.

Вскинутый посох сверкнул. Может, сам, а может, солнце отразилось в глазах-рубинах пса-семаргла.

– Хорош орать, – вроде негромко, но слышно всем произнес волох. – Не дружину ж мы вашу уводим. Может, одного позовем, может – двух, а может, и никого. Может, и не родила земля ваша годного для лучшей рати. Вы нас услышали. Завтра здесь же ждем охотников. Или... – Волох ухмыльнулся. – Охотниц.

– А если не захочет никто? – Кошель присмирел, нахлобучил шапку на голову, но уняться никак не мог. – С чего бы нашим молодцам денежки тратить да ноги топтать? А если убьют по пути? Сами ж сказали: зло повсюду!

– А затем, что князь Мстислав в дружину к себе зовет! – возмутился воин. – То честь великая!

– А я от себя обещаю: ежели найдется достойный среди вас, людей плесковских, дам я ему на прокорм дорожный гривну серебром и коня! – подал голос Турбой.

Толпа разом успокоилась. Гривна – деньги немалые. А еще и конь. Каждый теперь прикидывал: как бы он употребил этакое богатство.

– А помимо того, будет ему от великого князя и Господа нашего полное прощение за все, явное и тайное. И велено будет всем власть имущим содействовать в пути, долгов не спрашивать и обид не чинить под страхом княжьего гнева! – выкрикнул уже монах. – И в том дан будет ему знак великокняжий, в Святой Софии запечатленный!

– А еще оберег волшебный, – вступил волох. – Лично от меня.

– Все слышали, люди плесковские? – не прибегая к помощи глашатая, осведомился Турбой.

В ответ – нестройный, но вполне дружелюбный ропот.

– Охотники на гривну мою и прочие полезности пускай завтра пополудни к детинцу подходят. Там их посланцы великокняжьи пытаться будут!

– А что ж за испытание? – крикнули вразнобой не менее полудюжины плесковцев.

– А простое! – ответил им уже монах. – Годен ты Богу да Добру служить или нет!

– И кто ж такое скажет?

– Бог и скажет! – Монах сделал строгое лицо. – Моими грешными устами!

– А я б, княже, уста медом иль пивом смочил, – вполголоса сообщил Турбою усатый гридень. – Две седмицы в дороге,

руки с меча не снимая. В горле от пыли уж кроты завелись.

– Будет, – тоже вполголоса пообещал Турбой. – И питье, и яства, и банька тоже. А скажи: волох ваш, он только женской волшбой владеет или только...

– Я всякой владею, – услышал жрец. – Только бог мой зазря тревожить его не позволяет.

– Сочтемся, – пообещал плесковский князь. – У меня немного алатырь-камня⁵ осталось. Сгодится?

На следующий день у ворот детинца, а точнее – у дверей Жалобной избы собралась изрядная толпа.

Под присмотром плесковских дружинников-отроков испытываемые поочередно входили внутрь... И выходили опечаленные. Их не взяли.

Внутри, в избе, помимо шестерых дружинников расположились четверо: сам князь плесковский, гридень-киевлянин, волох и по-вороньи черный монах, который, собственно, и занимался отбором достойных. Вернее, отсевом недостойных.

Князь и гридень, носивший по Крещению грозное имя Михаил, развлекались нурманской игрой с трудновыговариваемым названием хнефаталф. Михаил выигрывал. «Конунг» плесковского князя был зажат с трех сторон. Полное окружение – вопрос нескольких ходов.

⁵ *Алатырь-камень* – янтарь. Использовался для языческих воскурений, поскольку горюч.

Волох уже второй час стоял не шевелясь, прислонясь к стене. Может, с богом своим общался, а может, просто спал стоя.

– Не годен, – изрек монах, и очередной кандидат в ратоборцы, ругнувшись шепотом, освободил место.

Монах прижал кожаный кругляш с великокняжьей печатью к руке следующего.

– Не годен.

– Ты, монах, не разумеешь! – возмутился тот. – Я сызмала нечисть гонял. У меня...

– Иди давай. – Дружинник-плескович ухватил гоняльщика за шкурку и перекинул напарнику, который и спровадил того из избы.

Еще одна десница легла на стол.

Монах поднес кругляш...

И тот вспыхнул даже раньше, чем коснулся кожи.

Глаза монаха тоже вспыхнули. Лицо его, темное, костлявое, суровое, будто подсветили изнутри.

– Достоин, – проговорил он, но как-то неуверенно. И громче: – Эй, Михаил! Поди сюда. Вроде есть один.

– Да ну? – Гридень забыл об игре, повернулся сразу всем телом. – Этот?

Волох открыл глаза, отлепился от стены, глянул на избранника, чье лицо пряталось в тени наброшенного на голову капюшона:

– Ну, покажись, красавец!

Избранник медленно стянул с головы капюшон.

– Хилько! – рявкнул князь, вскакивая на ноги.

Его дружинники подхватились еще раньше. Уперли в избранника острия копий.

– Сам пришел! – радостно воскликнул воевода. – Уж мы, Михаил, его ловили, ловили, душегуба! – И, обращаясь к избраннику: – Удивил ты меня, душегуб! Истинно удивил!

– Вы что творите? – Монах даже удивился. – Этот человек теперь под рукой Мстиславовой! А ну прочь оружие!

– Ты не понимаешь, божий человек, – рассудительно произнес князь. – Это ж Хилько. Он мирных людей погубил больше, чем мы с Михаилом в бою положили. Никак не может такой Богу твоему служить!

– Нет, это ты не понимаешь, Турбой, – строго произнес уже киевский гридень. – Кем бы он ни был прежде, теперь он – наш. И печать эта теперь – его. Уйми воев своих.

– А ты, тать, не ухмыляйся, – бросил волох. – Ты уразумей: печать-то – твоя. Но и ты теперь – ее. Ты теперь часть пророчества.

Но Хилько ослабился еще шире, подмигнул Турбою:

– Понял, князь плесковский! Я теперь – часть пророчества! А тебе шиш, намасленный в...

И захрипел, когда по знаку Турбоя один из дружинников выбил копьё разбойнику меж ребер.

Кругляш в руке монаха потускнел и погас.

– Что ж ты сотворил? – растерянно проговорил тот, глядя

на оседающее тело избранника-татя.

– А вот! – без малейшего раскаяния весело произнес Турбой. – Я же Христом поклялся! Это же грех – твоего Бога обмануть!

– Нашего Бога, – буркнул монах. – Уберите это. – Он указал на мертвое тело. – И давайте следующего.

Наталья Ильина

Зверь из ада

*...И придет из града Змиева тот, кого люди
нарекли Зверь из ада. Знак крылатый на вые его, и
не страшит его огонь темный...*

Бояново пророчество. Стих третий

– Это он! Оборотень! – Первый испуганный выкрик сменился волной встревоженного гула, которая расходилась в толпе.

Волшан изо всех сил старался сдержать рвущегося наружу зверя, но уже сводило челюсти, и спину молнией прошла сладкая боль. Его выгнуло дугой, бросило на четвереньки. Толпа ахнула и отхлынула. Он лихорадочно соображал, как будет прорываться из городища, когда в глазах взорвалось ослепительное солнце и мир погрузился во тьму.

– Не очухался? – пробился в сознание грубый бас.

– Шевелится, – ответил кто-то.

Волшан приоткрыл глаза. В разбитом затылке поселились тягучая боль и нарастающий зуд (топором рубанули, что ли?), а руки и ноги оказались связанными. Он валялся в полутемном помещении с единственным окошком, забранном кованой решеткой. Да и то было прорезано в крепкой двери.

Едва не усмехнувшись – что волкодлаку дверь да веревки? – Волшан попытался обернуться и сразу захрипел. Шею обвивала крепкая цепь, которая не давала зверю выйти наружу – она впивалась в мощную шею и душила огромного волка, в которого он превращался. Не в силах поверить, что мог попасться так нелепо, он повторил попытку дважды под презрительные смешки из-за решетки, а потом обессиленно затих.

Дверь распахнулась, и кто-то вошел, тяжело вбивая шаги в сырой пол. Волшан мог видеть только запыленные сапоги, остановившиеся совсем рядом. С усилием он приподнял голову, но не успел и слова произнести. Один из сапог с размаха ударил его в живот. И еще раз. И еще.

– Нечисть поганая! – рыкнул истязатель, и окованный медью носок сапога прилетел Волшану в лицо.

Кровь залила глаза, и он перестал видеть, по опыту зная, что промаргиваться не стоит – только хуже будет. Боль заставляла зверя рваться наружу, а ошейник душил, не давая завершить оборот... Пытка показалась бесконечной, но неожиданно в комнате появился кто-то еще.

– Уймись, Збыня. Успеешь еще. Посторонись, я на него гляну.

Получив передышку, Волшан скорчился от нестерпимого зуда – раны заживали на нем очень быстро, но расплатой за это была мучительная чесотка.

– Эк его крючит, – удивился пришедший.

– Так на цепь три гривны серебра пошло. Самое верное средство против оборотня! – самодовольно заявил тот, кого называли Збыней.

– Ты воды плесни, пусть лицо покажет.

– Поостерегись, отец Мефодий. Он опасен, пока жив.

– Нечего бояться, со мной Бог, – ответил священник.

Холодная вода немного уняла зуд и позволила Волшану расслабиться. Он отфыркался и с трудом разлепил глаза. Так и есть – над ним стоял низенький, расплывшийся под рясой монах, а рядом – широкий в плечах, рыжеусый вой, недоверчиво буравивший Волшана тяжелым взглядом.

– Ты откуда такой появился? – спросил монах.

Волшан дернулся сесть – смотреть с пола было неудобно. Монах и вой отшатнулись.

– Ненашенский он, – отрезал Збыня.

– Может, и так, но где-то же обретался, пока не схватили? Ты что в городище делал? – повернулся монах. – Жертву высматривал?

Волшан шевельнул разбитыми губами. Они горели зудом, как и вся нижняя челюсть.

– Какую жертву? – просипел. – Я вчера только в Змиев пришел. Заночевал в общинном доме, вышел осмотреться...

– Это мы знаем. Тебя конюх признал. Ты же, нечисть, двоих добрых купцов в общинном доме ночью задрал!

Волшан замер, уставившись на монаха. Ночь накануне он беспробудно проспал и ничего о купцах не слышал. На коню-

ха, который вечером насилу успокоил коней, когда появился Волшан, наткнулся, когда с утра вышел посмотреть, что за шум-гам снаружи поднялся. Теперь произошедшее стало понятным, но встревожило другое. «Убьют!» – без тени сомнения решил он. Серебряная цепь не жгла, как воображал истязатель-Збыня – тут волшба старого жреца не подводила – но и обернуться не давала, а в человеческом облике ему из темницы не выбраться.

– Не драл я никого, – обреченно вздохнул Волшан, и тут же Збынин сапог припечатал его к стене сильнейшим ударом.

Во рту засолонело, зверь снова рванул изнутри, и Волшан захрипел.

– Д-дурак, – брызгая кровью с губ, прокашлял он. – У тебя людей режут, а ты не того взял.

И добавил, без особой надежды:

– Отпусти, я за то настоящего душегуба поймаю.

Вой расхохотался. Глухое эхо ударило в низкий потолок.

– Видал, отец Мефодий? Нечисть и на колу осиновом станет за жизнь торговаться!

Волшан оскалился на Збыню:

– А ты бы не стал?

– Истинный зверь из ада, спаси Бог! – перекрестился монах. – Утром прилюдно закончим с ним. Людям надо знать, что церковь и дружина их защищают.

– Порешили, – согласился вой.

На прощание он засадил Волшану сапожищем так, что тот взвыл, скрючившись, чем развеселил Збыню и еще больше напугал монаха.

Кормить и поить его никто не собирался. Волшан привалился плечом к стене, с трудом шевеля пальцами – связанные руки совсем затекли и начинали зудеть. Ему хватило бы и ковши воды, а вот зверь почти обессилел – оборот забирает много сил, и волк вечно был голоден. Ведь меняясь, Волшан становился втрое массивнее.

Сознание медленно уплывало. В полузабытье вспомнилось, как его мальчишкой выхаживал да учил Семарглов жрец, уже и тогда старый, как идолы на его лесном капище. «Человеком ешь то, что человеку нужно. Зверя корми мясом да кровью, только человечину чтобы пробовать не смел, слышишь?» За этим «слышишь» последовала звонкая оплеуха, потому как Волшан отвлекся и почти не слушал старика. Годы годами, а длань у того была крепкой как лопата. В ушах звенело...

...в ушах зазвенело, и Волшан очнулся. В полумраке перед глазами плавали черные и красные кляксы. Он моргнул, но те не пропали, наоборот – обрели полужнакомые очертания. До помраченного сознания оборотня дошло – не пришло ему и не бред это вовсе. Грань между Явью – с темницей воеводиной – и Навью проявилась как никогда близко, и кто-то двигался там в красном мраке, к Волшану при-

смастриваясь.

«Ждет, – вздрогнул Волшан. – Как добычу стережет. Что же, скоро свидимся». От горечи сжалось горло.

Тяжелые мысли роились в голове. Сколько сделал для него старый жрец – от людей уберег и над натурой звериной власть подарил... Всего-то раз и попросил о помощи. По великому своему смятению, послал в Дикое поле, разведать, не идет ли беда. Надеялся, что приемыш его опасения отведет, а Волшан-то и не сдюжил. Не получит жрец вестей из Дикого поля. Не узнает, что вовсе не напрасны были его опасения... А главное: так и останется неоплаченным долг Волшана перед стариком, заменившим ему семью.

Убьет его Збыня поутру, хоть виновен, хоть – нет, тут и гадать нечего.

После сумеречного полумрака темницы утренний свет резко ударил по глазам, и Волшан скривился, щурясь. Это не помешало ему разглядеть последний отрезок своего пути. Несколько шагов от воеводиного крыльца по пыльной вытоптанной земле, к невысокому помосту напротив, в центре которого раскорячилась широкая колода. Он дернулся в сторону, но Збынины дружинники держали крепко. Площадь за помостом гудела, заполняясь людьми. Спотыкаясь и медля, под тычки в спину, он одолел всход на помост.

Зверь внутри него сделал очередную попытку вырваться, и у Волшана подкосились ноги. «Не сейчас! – беззвуч-

но взмолился он, сжимая челюсти, — только хуже будет!» Только куда уж хуже? Из центра колоды торчал топор, каким необхватные деревья рубят. Длинное топорорище, отполированное многими руками, блестело на солнце. Сбоку прислонился толстый осиновый кол, затесанный на конце до игольной остроты. Не кол — бревно целое.

При виде пленника зеваки заволновались, взревели. Волшан пошатнулся от шквала ненависти, хлестнувшего из толпы.

— Тихо, люди змиевские! — прогремело с высокого крыльца.

Площадь не сразу, но затихла. Волшан поднял голову. Збыня, одетый как для битвы и серьезный, опирался на резные перила. Рядом встал отец Мефодий, со скорбным выражением лица.

— Все вы знаете, — начал воевода, — скольких душ мы недоисчитались в последние ночи. Вот он — враг рода людского, душегубец — перед вами! Пойман, обезврежен и ждет расплаты за свои грехи! Что скажете, люди добрые, должны мы казнить его сейчас...

Продолжение утонуло в многоголосом реве толпы. Не стой Волшан перед плахой, он восхитился бы воеводой, так ловко поднявшим себе цену в глазах змиевского люда. Прямо спаситель! Но мешал пот, заливавший лицо и грудь, холодный и едкий. Это вырвался на свободу животный страх, который Волшан всегда держал в узде, как и зверя внутри

себя.

В отчаянии он обернулся к толпе. Со всех сторон тотчас посыпались угрозы, оскорбления и насмешки. Легко насмеяться над полуодетым и связанным пленником. Уже опуская голову, оборотень вздрогнул, натолкнувшись на единственный взгляд. Хрупкая девушка, возвышаясь над головами ближних к помосту горожан, стояла на пустой телеге, среди других баб и подростков. Бледная лицом, только она и смотрела с сочувствием. Ему даже привиделось, что светлые ее глаза полны слез.

Кто-то кинул камень, но неловко. Не долетев до оборотня, он ударился о помост рядом с дружинником и отскочил тому по ноге.

– Полно! – рявкнул Збыня. – Не камнями побивать его будем. Самолично голову нечисти снесу!

Один из воев поддал Волшану под колени, другой надавил на плечи. Оборотень повалился перед плахой. Руки, крепко стянутые за спиной, выворачивали ему плечи. В толпе одобритительно загомонили.

Змиевский воевода не спеша засучил рукава и собирался сойти с крыльца, когда с другого конца площади полетело над головами змиевских горожан требовательное:

– А ну, расступись! Дорогу дружине князя Мстислава!

Раздвигая толпу собравшихся посмотреть на казнь, через площадь двигались конные вои под малым княжьим стягом.

Волшан отполз прочь от колоды, но, почти лишенный во-

ли, остался стоять на коленях, не в силах вытерпеть пытку затянувшимся временем. Уже бы завершили, что начали, и дело с концом! Он свесил голову на грудь, да так и замер, тяжело дыша.

Зазвенела сбруя, не в лад затопотали копыта, лошадиный храп перемежался с «ну, не балуй!» всадников. Лошади нервно плясали между воеводиным крыльцом и помостом, ощущая близкого волка.

Вокруг помоста засустились, забегали, но Волшан так и не поднял головы, думая о своем, пока еще было чем думать. Не дождется своего посыльного старый Семарглов жрец. Только это и жгло сейчас ему душу, будто в последний миг жизни ничего важнее не отыскалось.

– ...это большая удача, что весь люд на площади собран, – услышал он обрывок разговора у крыльца. – Сейчас указ Великого князя киевского и зачитаю, – сообщил чей-то густой бас.

И знакомый голос Збыни, растерявший всю начальственную важность, выразил полное согласие.

– А этот что сотворил?

Волшан сообразил, что говорят про него, и ожил. Голову поднял и шею вытянул, чтобы увидеть, кому любопытен стал. Княжий гридень – высокий, в теле, на пузе золотая гривна сияет – нависал над змиевским воеводой, который как-то даже в росте уменьшился, и только в глазах злое раз-

дражение угадывалось.

– Оборотня-душегуба казнить...

Высокий бабий вопль оборвал ответ. Был он страшен и без смысла, а со смыслом – даже у Волшана холодок по шее пробежал.

– Уби-или-и! Убили-и!

– Это еще что? – грозно рыкнул гридень.

Волшан повернулся на крик. Да и все на площади всколыхнулись, задвигались, стремясь углядеть, что за шум.

Пузатый мужик, в шитой дорогим серебром суконной безрукавке поверх рубахи, чуть не на себе волок непрерывно голосившую бабу. У той расписанный красными петухами плат с головы сполз, глаза закатывались, но выть не прекращала.

– Деян это, меняла наш. И жена его, – узнал Збыня и велел дружинникам: – Сюда их ведите.

С высоты помоста Волшан хорошо видел, как мелко трясутся у менялы перемазанные в крови руки и какой красной наливается лицо – вот-вот сам упадет замертво.

– Кого убили? – посуровев, перебил бабий вой Збыня.

Та чуть затихла, хватая воздух ртом, а Деян просипел натужно:

– Богомилу, дочку нашу. И девку ее прислужную. Только что! Сам зверя-оборотника видал, как он за порог выскакивал. Громадный! С ног меня сшиб! Спаси, воевода! Что же это?

Деяну отказали ноги, и он медленно осел в пыль, обнимая снова заголосившую жену.

– Оборотень? – Збыня с недоумением глянул на помост.

Поймав его взгляд, Волшан крикнул, собрав последние силы:

– Говорил, не я это!

Площадь гудела. Приезжие – всех Волшану было не разглядеть – так и мялись у крыльца.

– Ай! – с досадой рубанул ладонью воздух Збыня и велел своему дружиннику: – Ненаш, возьми воев, идите к меняле в дом и люд успокойте. Этого, – он кивнул в сторону Волшана, – уберите с глаз. Заприте, пока я с княжым вестником разберусь.

Свечерело, когда снаружи затопотали и засов взвизгнул как пилой по наковальне. В темницу протиснулся молодой дружинник из местных, с треножным подсвечником в руках. Опасливо покосившись на Волшана, он оставил свою ношу и вышел. Появился Збыня и с ним еще трое: вчерашний монах и другой – высокий, суровый, ясноглазый. Дрожащее пламя толстой свечи проявило резкие черты его худого лица да печать на груди, сверкнувшую чистым серебром; последним в дверях появился волох в дорожном одеянии – кряжистый, крепкий, как вековой дуб. С его посоха сверкнула самоцветными глазками резная псиная голова.

Волшан насторожился. Не слышал, чтобы служители но-

вой веры со жрецами бок о бок гуляли. «Кажется, мой конец будет пышным», – мелькнула мысль. Незнакомцы выглядели уверенно и важно на фоне стушевавшегося Збыни и суетливого отца Мефодия.

– Кто таков? – без волокиты навис над Волшаном суроволицый монах.

– Никто, прохожий, – огрызнулся тот.

Терять было уже нечего.

– Не похож на оборотня, хлипкий какой-то, – обернулся приезжий монах к отцу Мефодию.

Збыня молча протиснулся вперед и не щадя ткнул мечом прямо Волшану под ребра.

Он замычал, мотая головой. Зверь рвался наружу, а Волшан, на остатках воли, не пускал. Получилось. Он сморгнул пот и затравленно посмотрел на монаха с княжьей печатью – гляди, мол, как над простым человеком измываются. Тот недовольно покосился на Збыню.

В груди Волшана всплеснулась надежда. Если приезжие – по виду важные, сами как князья – не поверят Збыне с Мефодием, ведь могут и отпустить? Кто-то же сослужил ему отличную службу, зарезав дочку менялы, пока Волшан у плахи стоял? Желание освободиться и сдержать данное старому жрецу слово мутило ему разум.

– Оборотись! – негромко и четко повелел волох и стукнул посохом об пол.

Эти, простые на первый взгляд, действия на миг позволи-

ли зверю взять верх над человеком. Волшан дернулся, рухнул было на четвереньки, да связанные за спиной руки вынудили ткнуться лицом в пол. Он изменялся до тех пор, пока раздавшуюся шею не стиснула цепь. Тогда захрипел страшно, забился и замер. Снова – обнаженным, связанным, покрытым коркой засохшей крови – человеком. На спине, выше лопаток, чернел знак, не то выжженный, не то отравленный, но точно – не родимый.

– Погодь! – Волох шагнул к пленнику, приглядываясь.

Монах тоже приблизился. Оба склонились над неподвижным оборотнем, а он еле дышал, изнывая от разочарования и злости. Неожиданно его затылка что-то коснулось, и стало тепло. С одинаковыми возгласами волох и монах отпрянули. Волшан с трудом поднялся на колени, посмотреть, что стряслось?

Печать на груди монаха светилась, затухая. Такого он еще не видел, хотя видывал разное, отчего все, кто в комнате стоял, в землю зарылись бы. Волох с монахом переглянулись, и последний снял печать с груди. Волшан неловко заерзал по полу, пытаясь отползти, когда монах печать к нему поднес, но та не сожгла, не убила – всего лишь вспыхнула ярче свечи да горячо кольнула в голое плечо.

– Не может такого быть! – выплюнул, как выругался, Збыня.

Незнакомый монах насупился, отец Мефодий к двери попятился, словно сбежать собрался, а волох задумчиво поже-

вал длинный, в одно целое с бородой, ус.

– Однако один все же нашелся, – отпустив этот ус, проворчал он. Не так чтобы обрадованно.

– Развязать – уже негодно, но цепь снять не дам! Это же душегуб! Нечисть! Тьфу! – плюнул в пол змиевский воевода, когда волох велел оборотня освободить и наверх привести. Отвернул лицо и руки на груди сложил.

Двое дружинников князя, из тех, что сопровождали посланников в дороге, вопросительно смотрели на старшего гридня, ожидая приказаний.

Тот кашлянул, насупился и пробурчал недовольно:

– Делай, что велено, воевода. Раз у тебя в городище никого лучше этакой погани в дружину к Черномору не нашлось.

– Не! Не пойду! – замотал головой оборотень, дослушав киевского монаха. – За что мне такая честь?

На язык просилось – «на что она мне?», но тут Волшан удержался. Изловить убийцу-волкодлака он мог, но вступать в дружину? Да где-то в Киеве? Его путь лежал совсем не туда и теперь казался еще важнее, чем до того, как узнал истинную причину света из княжьей печати. Он же чуял: ни монах, ни волох сами не уверены в ее странном выборе, а уж Волшан – подавно.

– Метка Семарглова тебя не защитит, оборотень. Отрубят голову, аккурат по самую цепь – не Збыня, так другие, и кол осиновый для верности в сердце вобьют. А амулет кня-

жеский все прегрешения простит, – напомнил волох. – Никто тебя тронуть не посмеет, если к Лысой Горе пойдешь. Откуда нам знать, за что именно на тебя выбор пал? Таково было пророчество и княжья воля. Значит, нужен ты земле Русской.

Монах губой дернул, но промолчал. Смирился, значит.

Волшан переступил ногами, доска в полу чуть слышно скрипнула. Его уху слышима, а остальным – нескоро станет. Что-то копилось, незримо клубилось в воздухе, заставляя могучего гридня у двери втягивать голову в плечи и неосознанно поглаживать меч. Волшан остро чувствовал недоброе. Грань, что отделяла Явь от Нави и повсюду была рядом, дышала словно живая. Что важнее? Теперь ему казалось, что вести для Семарглова жреца крепко связаны с великокняжьем повелением. Может, и правда – неслучайно его печать признала?

– А пойду! – вырвалось само по себе.

Он и язык не успел прикусить, удивился только.

– Вот и ладно! – Волох даже повеселел. – Утром и отправишься. Дам тебе оберег особенный. Чтобы никто больше силой обернуться не заставил.

Волшан поклонился. Подумал, что такой оберег поценнее княжьего амулета будет.

На общинный двор за его вещами послали дружинника да двоих обещали дать в провожатые, аж за городищев вал. Во-

евода побоялся, что мужики местные могут и скорым судом дело кончить, несмотря на медальон да оберег.

Как раз их-то и прилаживал Волшан, когда дверь стукнула, и, наклоняясь под низкой притолокой, в тесную комнату на втором этаже воеводиного дома вошел волох. «Удачливый я на них, – усмехнулся про себя Волшан, затягивая петлю на узкой кожаной тесемке, – как мед для пчел». Он уже проверил – ни оберег, ни княжий знак никуда при обороте не терялись, только тонули в густой шерсти «воротника» на шее. И теперь перевязывал тесемки подлиннее, чтобы не душили, когда снова обернется.

Волох ждал, не торопил. В одной руке посох, с которым он, кажется, не разлучался, в другой – котомка. Волшан не сомневался, что ее уже вывернули да обшарили, но ничего интереснее стираной рубахи, кожаной увязки с медяками да печенежского гнутого кинжала в простых ножнах, в ней не было. Вся соль была в самой котомке – он шил ее сам, под себя. Просунь волчью голову в петлю да лапы – в две другие, потяни зубами спереди особенный шнурок, и котомка крепко держится под грудью волка, от самого быстрого бега не сваливается и не мешает. А в ней – одежда и весь небогатый Волшанов скарб. Не голым же к людям выходить, обернувшись?

Жрец все молчал, пришлось самому разговор начинать. Волшан спрятал оберег и княжий знак за воротом, и они провалились до самого пупа, тепло пристроившись под новой

рубахой. Спросил:

– Пора мне, что ли?

– Пожалуй, – согласился волох. – Если не поспешишь, можешь не успеть к сроку. А туда ли ты пойдешь, Волшан?

– Туда-туда, – проворчал оборотень.

– Помни, земля Русская защиты просит. Не князь. Не боги. Люди простые, – продолжил волох, хмурясь незло, скорее задумчиво.

Волшан скривился:

– Те ли, что давеча радовались моей голове на плахе?

– И те – тоже. Страшный ты для них. Так и я – страшный. И даже наш Феофил, с богом своим. И князь киевский, которого они в глаза не видали. Им бы жить, лодьи рубить, мед варить да детей поднимать, а тут – такое. Ступай на Лысую Гору к Черномору, помоги чем сможешь. Вижу, не зверь ты. Человек.

Он держался вдоль дороги, пока частокол огорода на валу Змиевского городища совсем не исчез из вида. Солнце вскарабкалось в зенит, когда Волшан вздохнул свободно и прибавил шаг – впереди вставала плотная стена леса. Под ногами сыро зачавкало – лес спускался в низину, и здесь даже днем стоял сумрак. Раздевшись и основательно увернув вещи, он увязал все в котомку. Только волохов оберег да княжий амулет остались на шее. Присел как по нужде, а встал уже зверем.

«Может, и не зверь, — запоздало ответил он волоху мысленно, смакуя бессчетные запахи леса, — но и не человек».

Волшан не знал, что, держась позади на добрую версту, по свежему следу за ним крадется преследователь.

* * *

Она появилась, сбив Волшану самый конец охоты. Сначала грудь ожгло холодом, не помешала даже густая шерсть, а потом за спиной зашуршали кусты. Молодой олень — его добыча — в два прыжка растворился в сумерках наступающей ночи. Резко осев на лапах, так, что зад проехался по сырой от вечерней росы траве, Волшан обиженно рыкнул. Увлеченный добычей, ослабленный от голода в волчьем облике, он ничего не почуял.

Ветки раздвинулись, и сквозь темную зелень продралась девка, укутанная в большой черный плат. Серdito отцепила гибкую ветку от мокрого подола и встала, глядя прямо на оборотня без всякого страха. Почувствовав, как пружинится для прыжка тело, он зло плюхнулся на пустое брюхо и заставил себя обернуться — не то не миновать девке беды.

— Дура! — едва обернувшись, заорал Волшан.

«Дура» стояла молча. Только смотрела во все глаза. Светлые, что весенний лед на дне лесного озерца. Знакомые...

Торопливо вытряхнув одежду из котомки, Волшан натянул ее на разгоряченное оборотом тело. Буркнул, отходя:

– Чего уставилась? Беги отсюда.

– Станный ты.

Голос был низким и глубоким для такой пичуги. Станный? Волшан поперхнулся. Он – странный? Другая бы блажила на весь лес или без чувств лежала, а эта стоит, разглядывает.

– Не признал меня? Виделись же давеча. На площади.

Знакомые глаза! Та, что его пожалела!

– И что тебе? Как ты здесь оказалась?

– За тобой шла, – спокойно, как о чем-то обыденном, ответила девка. – Как отвлекла воеводу, чтобы голову тебе не отсек, так и решила – нельзя мне больше в Змиеве...

– Как это, – не понял Волшан, – отвлекла?

– Так это я Богомилку порвала. Злая она была. И жадная. И купцов – тоже я. Знала бы, что на тебя тень наведу – не пошла бы туда той ночью. Ты уж прости.

Волшан хмыкнул. Амулет холодом жалил, по загривку словно муравьи бегали, но он только моргнул лишний раз, остолбенев от такой наглости.

– Обернись-ка! – глухо приказал он девке, но та только головой покачала – не могу, мол.

– Платними!

Она послушалась. Под черной тканью пряталась светлая как лен коса. Лет девке было от силы пятнадцать. Значит, оборачиваться начала не так давно, и дотемна, проси не проси, не сможет. Юный оборотень при свете человеком хо-

дит... пока совсем человеческое в нем не кончится. Ждать до ночи, впрочем, оставалось недолго.

– От меня-то чего надо?

Девка вперила в него глаза-льдинки и прошептала:

– С собой возьми! Пропаду одна. Что велишь, все исполню – только не гони!

Ее лицо исказило отчаяние. Последнее, гибельное. Волшан опустился на замшелый валун. Не нужны ему были попутчики, ох, не нужны! Но и прогнать ее прямо сейчас он не смог. Вспомнил себя – беспамятного, едва оправившегося от ран, впервые обратившегося. Ему повезло, что жрец, не жалея ни огня, ни Волшановой спины, уже оставил на ней знак Семаргла. А если б нет? Был бы как эта дуреха неприкаянная. Еще не зверь, уже не человек... «Исполню всё!» – вспомнил он и покачал головой. Будто ему нужна подмога.

– Ладно. Ночь рядом побудешь, а там посмотрим.

Стоило это сказать, а может, на вдох раньше, как пропал холод амулета. На волчьей шкуре он был терпимей, а голую грудь жег, не хуже огня. «Вот оно как, – усмехнулся Волшан. – Вроде и нечистью быть перестала под моим крылом?»

А девка подхватила, чуть не на шею бросилась. Волшан едва увернулся.

– Куда, дура? Лучше подумай – помнишь ли, что по ночам творишь?

Она опустила голову.

– Ясно. А жалеешь кого?

– Утром жалею. Иногда. И себя жалко, очень.

«Обернувшись, она собой не владеет», – понял Волшан и припугнул:

– Тогда нынче еще больше себя жалеть станешь.

Девка вдруг улыбнулась. Ну, дура – она дура и есть.

– Зовут как?

– Неждана.

В самую маковку. Не Ждана. И – нежданная. Эх, невезучий Волшан до баб! Он насупился, отгоняя непрощенные воспоминания. Вздыхать о прошлом было не ко времени. Быстро темнело.

Неждана отвернулась без единого слова и сноровисто скинула с себя тяжелый сарафан да длинную белую рубаху. Молоком засветилось в темноте голое тело. Волшан отвел взгляд и последовал ее примеру. Громко застонав, она повернулась к нему лицом – в глазах огонь, и ничего человеческого. Выгнулась дугой да упала на траву как подрубленная. Волшан ждать не стал – обернулся и прыгнул...

Волкодлак из нее вышел некрупный, со светлой мягкой шкурой. Так себе зверь – волчонок, а не волчица. Волшан навис над ней, придавил к земле, трепанув за шкуру. Не жалея, прокусил до крови. Она взвизгнула и зарычала. Он держал. Мелкий оборотень яростно огрызался, щерил пасть, щелкал зубами. Волшан держал крепко, все сильнее пригибая к земле. Пока она не распласталась покорно, поджав хвост, и не тявкнула жалобно, собачонкой.

Той ночью они подняли с лежки годовалого лося, задрали и наелись до отвала.

Утро застало их в пути. Впереди была Мжа – неглубокая, но довольно широкая по весне, пока не спадут воды. Плавать Волшан не умел, а обернувшись зверем – не хотел рисковать соваться в воду среди бела дня.

– Будем искать переправу, – сказал он Неждане.

– А зачем нам за реку? – удивилась она.

– Затем, что я в Киев иду. Про дружину Черномора слыхала?

– Так гридень княжий горло чуть не порвал, змиевских перекрикивая, когда тебя от плахи увели! Слыхала, но нам-то зачем?

– «Нам», – скривившись, передразнил Волшан. – «Нам» – ни к чему, а меня амулет княжий признал. Думаешь, воевода отпустил бы, если б не это?

Неждана замедлила шаги, а потом и вовсе остановилась.

– Нешто ты решил, что тебя, оборотня, нечисть, в дружину возьмут?

– Это ты – нечисть, а я – Волшан, приемыш Славко, жреца Семарглова. Хочу – оборачиваюсь, хочу – человеком хожу. И иду я в Киев, а ты – раз не нравится – можешь хоть сейчас отстать.

Слушать девкину болтовню было глупо, но Волшана неожиданно зацепили ее сомнения. Свернуть в сторону ка-

пища старого жреца было еще не поздно – два дня пути, и он сможет выполнить просьбу приемного отца... Волшан остановился, и Неждана с размаху ткнулась ему в спину.

– Что? – испуганно пискнула она, выглядывая.

– Зайдем кое-куда. В лесу ждать будешь, и не думай высунуться.

Она дернула плечом, но кивнула. В светлых волосах топорщились сухие веточки, подол сарафана обтрепался, но смотрела девка решительно, и отступаться не собиралась.

«Вот напасть», – в сердцах подумал Волшан и сплюнул под ноги.

Найти старое капище было несложно. Если знать, где искать. Земляная изба жреца, вросшая во мхи по самую крышу, пряталась за густым ельником. Из печной трубы вился пахучий дымок.

– Здесь будь, – велел Неждане Волшан, потянув носом воздух.

Память всколыхнулась воспоминаниями. Дед Славко, собирающий лесные травы, бормочущий заклинания над огнем, сурово отчитывающий Волшана за дерзость, ласково треплющий по волосам за смекалку... Ждана, смеющаяся в этом самом ельнике над неуклюжими шутками Волшана... Перепачканные в ее крови руки и зелень родного леса, наливающаяся багрянцем самого страшного рассвета в его жизни...

Старый жрец отворил дверь и встал на пороге, тяжело опираясь на посох. Волшан ушел отсюда в конце зимы, но за этот недолгий срок дед Славко сильно сдал. Усохло, изморщинилось лицо, поредела белая борода, дрожали на древке посоха темные, выдубленные временем руки. Только глаза сияли молодо из-под лохматых белых бровей.

– Пришел, приемыш, – кивнул старик.

– Пришел, – развел руками Волшан.

– Кто там прячется? Кого привел? – Жрец прищурился в сторону леса.

– Так, – стушевался Волшан, – никто. Девка попутная. Мне поговорить нужно, дед Славко. Неладно всё.

– Вижу. В дом-то зайди, не чужой он тебе.

Умел старик словом душу согреть. Но и вынуть умел тоже. Волшан склонил голову под низкой притолокой и шагнул в знакомый полумрак избы.

Жадно заглотив половину хлебной краюхи да запив горячим травяным настоем, Волшан доложил:

– Прав ты был, дед Славко. В дикой степи совсем неладно стало. У печенегов шаманы сутками камлают, а нечисти всякой только прирастает. Я такого отродясь не видал, чтобы огневушки по стойбищам плясали не скрываясь. Всё палят, без разбору. Нечисти всякой полно, скот портят, запасы портят. Нежить печенегов пугает до смерти, не понима-

ют они ее. Между собой перелязаться готовы – фем на фем⁶ думают, виноватого ищут. Мне, хоть с нечистой всю жизнь рядом, по грани хожу, тоже не по себе там было. Только и в наших землях бедово стало...

Старик слушал молча. Глядел куда-то далеко, сквозь Волшана, сквозь замшелые бревна избы. Волшан замолчал, не зная, сказать ли про княжий амулет или при себе оставить?

– Всё говори, сынок. Пора пришла Боянову пророчеству сбыться, – скрипуче приказал жрец и ожег Волшана требовательным взглядом.

– Так ты знаешь? – изумился оборотень.

– Забыл, кто я есть? – Поднялся с лавки жрец. – Знаю что-то, да не всё. Всё знать людям не положено. Что-то чувствую – вот как то, что ты о важном умолчал.

– Да я не...

Волшан почувствовал, как краска стыда заливает лицо и шею, будто вернулся в детство и винится перед стариком за глупые шалости.

– Вот. – Он выпростал амулет и оберег из-за ворота. – Мстислав-князь дружину собирает с нечистой биться. Меня его амулет признал в Змиеве, да тем от смерти спас.

Старик прищурился, наклонился, но рук к печати не протянул. Кивнул только.

– Вот и нашла тебя судьба, воин, – сказал уважительно и моргнул.

⁶ *Фем* – клановое объединение печенегов, включало в себя пять родов.

Волшан удивленно отметил, что глаза жреца увлажнились.

— Не знаю, судьба ли? — вздохнул оборотень. — Я же — кто?

— Ты — тот, кто ты есть. Сказал уже, да повторю — всего знать человеку не надобно, сердце подскажет, чего голова не понимает. Иди в Киев и помни: Семаргл с тобой будет, поможет.

Волшан ни за что не высказал бы старику своих сомнений насчет его древнего бога. Не дрогнул лицом, кивнув, но и послушаться не смог. Или — не захотел.

В дорогу дед Славко нагрузил Волшанову торбу хлебом, сыром и сушеным оленьим мясом. У самых елей оборотень оглянулся, хоть и знал, что примета эта негодная. Жрец опирался на свой посох и ветер сбивал на сторону его белую бороду. Древний, как идола его капища, и такой же неизбывный, он глядел своему приемышу вслед. Подумалось, что больше они в этой жизни не свидятся, и Волшана захлестнуло горечью.

Переправу через Мжу нашли быстро. Зима была снежной, и вода даже теперь, в начале лета, стояла высоко. Глубокие реки вселяли в оборотня неуверенность. У подошвы высокого берега толпился люд. Волшан помедлил на сырой от ночного ливня дороге и, оскальзываясь на подкисшем суглинке, спустился к сходяням, поддерживая Неждану под руку.

Перевозник, видимо старший артели, громко переругивался с изможденным, сухим и скособоченным мужичком, заросшим седыми патлами и нечесаной клочковатой бородой. Тот непременно желал, чтобы небольшой плоскодонный паузок с низким бортом, больше похожий на плот, чем на челн, перевез на ту сторону сразу оба его воза, доверху нагруженных какими-то кулями и коробами, да еще вместе с тягловыми и работниками. Он то и дело срывался на бабий визг, задиристым петухом наскакивая на паромщика – широкоплечего бугая, чьи ручищи были шире, чем тощие ноги обозника. Этими ручищами паромщик беззлобно отмахивался от забияки, пытаясь втемашить в горячую голову, что не потянет паузок: али потонет, али гребцы не сдюжат. Те ухмылялись, сидя вдоль борта, но кивали согласно. Пешие, сбившись поближе к сходням со своими корзинами и котомками, глухо роптали, тревожась, что для них не останется места. Понятное дело, что платить сверх положенного хозяин маленького обоза не желал. Время шло, река хмурилась рябью и мелкой волной, а уступать никто не собирался.

Челнов-долбленок, маленьких и юрких, у сходней не было ни одного.

Волшан хмыкнул, велел Неждане в стороне дожидаться и подобрался поближе к гребцам. Светить княжым медальоном не стал. Перебраться на другой берег можно было более привычным способом.

– А что, люди добрые, сухое весло найдется ли? – негром-

ко поинтересовался у того, что сидел ближе всех к берегу.

Его смерили недоверчивым взглядом. И поделом – с виду он казался хлипким, новая рубаша в торбе лежала, а старая давно уже была неказистой да латаной. Так себе гребец.

– Весло-то найдем, только не дюжий ты, проку не будет, – ответил гребец и сплюнул в воду.

В отличие от Волшана, был он по пояс гол, плечист, руки бугрились силой да блестели как намащенные.

– А ты не смотри, ты испытай, коли не веришь, – сощурился Волшан, зная, что забороть такого будет непросто, но он и посильнее противников видывал.

Гребец обидно расхохотался. Это привлекло внимание остальных, и несколько голов повернулись к Волшану.

– Вам, видать, очень на другую сторону нужно, – со смешком угадал долговязый парень, с длинными мышцами на руках, похожими на крученые веревки. – Только Тихон тебя пополам разорвет – и обратно свяжет.

Он поднялся на ноги, да без напряжения подхватил один из мешков, уложенных на дне паузка. Раскачав его, разжал руки, и мешок полетел на берег, к Волшану. Хакнув, оборотень подхватил мешок с лету и чуть не повалился вместе с ним, диво, что на ногах устоял – тот оказался тяжелым и тугим, будто песком набили.

– Ха!

Недоверие в глазах Тихона сменилось интересом. Волшан подумал было, что побороться-таки придется, но к парому

вернулся старший перевозной артели, завершив свой спор с обозником. Сходни запели под его весом – вот уж кто был здоров, что твой бык!

С высокого берега спускалась пустая телега – оглобли задрались, она съехала тощей лошади чуть не под хвост, и у бедняги ноги проскальзывали в чвачном месиве.

– Р-разгружай! – скомандовал гребцам перевозник.

Тихон спрыгнул прямо в мелководе, минуя сходни, и подмигнул Волшану:

– Давай, подмогни. Будет тебе весло. Тяжело пойдем.

Те самые мешки, один из которых чуть не завалил Волшана, были перетасканы в телегу одним мигом, и весь обоз, вместе с медлительными упряжными быками и двумя молчаливыми работниками, погрузился на паром.

Пока старший обещал оставшимся на берегу, что до вечера всех перевезет, Волшан занял место между Тихоном и давешним пареньком. Неждана пристроилась за телегами.

– Греб когда? – спросил здоровяк.

– Приходилось.

– Делай, как мы. Команды разбираешь?

– Не бойсь, сдюжу.

Невысокая, но тугая волна размеренно била в правый борт, покачивая паузок. Ближе к середине реки Волшан уже взмок и завидовал раздетым по пояс гребцам, дружно ведущим свой плот к противоположному – пологому и пока еще

не ближнему – берегу реки. Впереди поблескивала крупной рябью стремнина, и Тихон предупредил, что там – самый труд. Паузок будет сносить, и закрутить тоже может. Но пока монотонный труд умиротворял, быки, отделенные от Волшана и Нежданы тушами телег, больше не беспокоились, паромщик затянул долгую и разливную песню, где повторялись одни и те же слова.

Амулет под рубахой и зверь внутри ожили одновременно. Волшан встрепнулся, и тут же в один из верхних кулей на телеге воткнулась стрела. Еще дрожало оперение на древке, а тертые жизнью гребцы уже согнулись в три погибели, но весел из рук не выпустили.

– Подымись! – рывкнул старший. – Наших это стрела, упреждают! Неладно там!

То, что на другом берегу «неладно», теперь могли видеть все. Там началась суeta: у самой воды метались люди, с мелководья отчалила лодка, но дальше не пошла – качнулась набок, и ее медленно поволокло течением прочь от перевоза, к камышовым зарослям ниже по течению. Над водой разнеслось приглушенное эхо криков. Испуганно и тонко заржала лошадь.

– Что? Что там? – визгливо забеспокоился невидимый из-за возов мужик-обозник.

– Нешто. Повертаем, – сурово осадил его старший.

– Какое? Меня там дожидают...

«Да что мы, хуже баб?», «Кто им отпор-то даст?», «Хватит

уже от разбоя отворачивать!» – заворчали гребцы, и весла застучали плашмя по воде. Неуправляемый паузок медленно потащило в сторону, разворачивая боком.

– Ай, сучьи дети! – махнул рукой старший, обругав заартачившихся гребцов. – Навались тогда! Оружие, какое есть, готовь!

Дальше Волшан уже не слушал, налегая на тяжелое весло так, что жилы заскрипели. Развернуть груженный плот почти на середине беспокойной реки – это не только умение рулевого да гребцов – на это требовалось немало грубой силы.

– Бродники озоруют, – сквозь зубы пояснил Тихон, когда паузок подходил к берегу чуть ниже сходней. – Не впервой им. За перевозом торжище по шестым дням, вот и повадились. Когда князь воев своих давал охранять, тогда тихо было, а нынче – сам видишь.

– А что, князь ваш раздумал нынче?

– Старый-то князь помер, а новый дружине не люб. Неладно у нас, – нахмурился гребец. – Готовься, до сходней не пойдем, в воду прыгать будем. Оружие есть?

Амулет под рубахой жег Волшану грудь, и не понять было – огнем или льдом. Он молча достал свой печенежский кинжал. Кривое лезвие тускло блеснуло на солнце.

– Годится, – одобрительно кивнул Тихон и белозубо оскалился в улыбке.

У воды никого живого не осталось, а вот из-за высоко-

го кустарника, куда убегала разбитая телегами дорога, доно-
сился шум и чьи-то вопли. Гребцы, вооруженные ножами,
дубинами и даже одним копьём устрашающего вида, выско-
чили из воды на берег и, переглянувшись, бросились по до-
роге. Следом спешил один из работников старика-обозника
с длинной рогатиной. Волшан приметил тропку с примятой
травой, уводящую в самые кусты, и, решив, что может обой-
ти разбойников сбоку, рванул по ней. Позади зашуршало. Он
оглянулся на бегу и тихо ругнулся – задрав промокший по
пояс сарафан, его догоняла девка-оборотень. Жалеть о чем-
либо было поздно, и Волшан молча приложил к губам палец,
указав на светлеющий просвет в зелени.

Шум стал громче. Можно было разобрать отчаянную
брань, чей-то отвратительно-визгливый смех и – громче все-
го – стоны раненых и судорожное ржание лошадей.

– Ох, ты ж! – выдохнул Волшан, высунувшись из-за куста.

На утоптанной площадке полукругом стояли несколько
возов, у сколоченной из березы коновязи метались на ве-
ревках три крепких конька, сшибаясь задами, роняя пену с
губ и закатывая глаза, а по площадке прыгали посиневшие
мертвяки в истлевшей одежде, наскакивая на гребцов и зали-
тых кровью мужиков-торговцев. У одного из нежитей в гру-
ди торчало три стрелы, у другого болталась наполовину от-
рубленная кисть руки, но это не мешало им снова и снова
кидаться на людей. Самый высокий размахивал ржавым ме-
чом как дубиной.

Волшан прикрыл глаза и шумно выдохнул, скидывая лямки баула с плеч и сапоги с ног. На остальное не было времени.

– Посторожи! – крикнул Неждане и рухнул на колени, оборачиваясь.

Не было у восьмерых мужиков шансов перед шестью мертвяками. Да еще кто-то седьмой хохотал, сидя на телеге и в битве не участвуя.

«Досмеешься сейчас!» – обозлился Волшан, превозмогая ломоту в костях. Его зверь рвал глотку радостным воем. «Это – да. Подраться ты любишь», – успел подумать. Человечьим мыслям в волчьей голове всегда было тесно.

Мир замедлился. Мертвяки неуклюже двигались по торжищу, гребцы – только они еще и стояли на ногах, да и то не все – вяло отмахивались своими ножами да палками. Трудно убить того, кто уже мертв. У Волшана время быстро бежало, а остальные только начали переваривать случившееся, оборачиваясь, когда он выскочил из кустов. На ходу разорвал ближайшего к нему мертвяка пополам и запрыгнул на телегу. Под его весом она качнулась и накренилась вбок. На землю соскочила тень, белая и быстрая как молния. Волчьи уши резанул высокий визг, аж шерсть вздыбилась. Она – а это была девка – белая-белая, со страшными провалами черных глаз и ртом, больше напоминавшим клыкастую пасть, – метнулась прямо к морде Волшана, целясь в глаза длинными когтями и щелкая длинными зубами.

За спиной что-то происходило: громкий рев, вой, но обращаться было некогда. Упыриха оказалась скользкой, как рыба, и верткой, как ящерица. Она плясала вокруг оборотня, полосуя шкуру когтями, нет-нет, да кусала до мяса, пытаясь присосаться. И тут его спину прошило железо. Один из гребцов напал на него сзади. А чего еще было ожидать? Волшан взъярился, развернулся, чтобы отмахнуться, но нападавший куда-то пропал. Тогда оборотень навалился на нежить грудью, рискуя остаться без глаз. Голову ей оставил на месте, а вот руки оторвал по самые плечи. А потом и ноги перекусил, чтобы не уползла далеко. С ней стоило поговорить. Позже.

На торжище творилось ужасное. Светло-серая волчья шкура мелькнула за телегой, добывая кого-то из живых. Двое мертвяков отупело топтались среди тел в центре площадки, свесив полусгнившие руки.

«Дура!» – мысленно завопил Волшан и метнулся к волчице, но не успел. Живых на поляне не осталось. Яростно набросившись на мертвяков, он вмиг разделался с обоими, раскидав головы по сторонам, и прыгнул на свою попутчицу, прокусив ей холку до костей.

Она мгновенно легла. Подвывая и дрожа, покорно подставила шею...

– Дура! Что наделала! – захрипел он, обернувшись и кидаясь на голую девку с кулаками. – Я велел ждать! Ты же днем не оборачиваешься!

Она рыдала и тряслась, красная от крови – чужой и своей,

выступавшей из рваной раны над плечами.

– Их мн-ного, ты – од-дин. Я – защитить! Не знаю, как обернулась. Как тогда, в Змиеве-е-е...

Его скрутило от злости и вида растерзанных тел. Нежить неплохо порезвилась – кроме гребцов с перевоза, тут были простые селяне: мужчины и несколько женщин... Все они теперь оказались мертвы. Волшан, пылая яростью, обернулся к тому, что осталось от упырихи. Обрубок белого тела извивался на земле, пачкаясь в грязи, но далеко уползти ей не удалось.

– Что вам надо? – прорычал Волшан. – Откуда взялись?

Краем глаза он уловил зыбкое марево возле ее головы. Навь колыхалась совсем рядом, собираясь забрать свое к себе.

– Зачем? Почему? – схватился за холодную шею нежити Волшан.

Его запястья обвили бледные пряди длинных волос. Упыриха скривилась и захохотала. Волшан наклонился над ней, и амулет, провиснув на тесьме, упал в ложбинку между двумя небольшими грудями. Упыриха завизжала, потом захрипела. И хрипела, пока княжья печать не прожгла ее насквозь, утонув в неживой белизне плоти.

Наскоро поснимав с мертвых уцелевшую одежду, они, преодолевая зуд затягивавшихся ран, бежали от реки глубже в лес. Волшан молча сопел, остывая от гнева, и на Неждану не оглядывался. Больше всего на свете он хотел, чтобы девка

отстала и затерялась, но надеяться на такое счастье было бы слишком наивно.

– Цепь тебе справлю. С запором! – заявил ей поутру, когда и Меж-река, и побоище у переправы остались далеко позади.

– Что, как собаке? – вскинулась Неждана, почесывая спину между плеч, где розовел новой кожей грубый шрам.

– Не нравится? Иди прочь тогда. Не желаю видеть, как ты людей рвешь почем зря, – отрезал Волшан.

– Я не хотела...

Она потянула Волшана за рукав.

– Прости?

– Цепь не даст обернуться, пока я ее не сниму. Или будет так, или уходи. Лес большой.

* * *

Когда с одного из высоких холмов над спокойной рекой Ворсклой Волшан увидел небольшой вал и огородь Лтавы, пошла уже вторая седмица июня.

Ночь они провели в лесу, а утром вошли в городище. Кузни Волшан нашел без труда, по характерному запаху дымов и горячего железа. У самой городской стены их лепилось штук пять, но только одна заинтересовала оборотня. Звук молота оттуда доносился чистый, как музыка, да и был – музыкой. Мелодией мастерства.

У коновязи топтался рыжий конь. Не простой – очень хо-

роший, в дорогой сбруе. Не суетился, только спокойно поглядывал из-под длинной челки да переступал ногами. На передней правой не хватало подковы. Велев Неждане близко не подходить, Волшан и сам зашел от ветра, чтобы животину зря не тревожить.

В кузнице невысокий и плечистый мужик отстукивал раскаленную подкову. У огня возился мальчишка-ученик в черной от копоти рубаше.

– Доброго дня! – поздоровался Волшан в паузе между ударами молота.

Кузнец кивнул не прекращая работы. Подкова быстро остывала, темнея. Ударив в последний раз, кузнец недовольно буркнул что-то в рыжеватую бороду и, подцепив подкову клещами, отправил ее в пылающий горн.

Волшан использовал возможность рассказать о своей нужде.

– Отчего же не сковать? – ухмыльнулся кузнец, временами поглядывая на подкову. – А ты цену такой работе да доброму железу знаешь, прохожий человек?

Теперь усмехнулся оборотень. Вот где пригодятся ему княжьи подорожные...

– Небесного железа у тебя не прошу, но за хорошее и заплачу хорошо, – пообещал Волшан.

– Я думал, конь мой уже подкован, а ты лясы точишь?

Кто-то громкий и громадный встал против света в распахнутых воротах кузни. Волшан не шевельнулся, да и кузнец

не оробел, спросил, словно и не слышал вошедшего:

– Каков запор на цепи сделать?

– Оглох, Лиходей? – рыкнул детина и ввалился внутрь, цепляя кузнецову утварь длинными ножнами меча.

Тот бросил взгляд на краснеющую в огне подкову и задрал бороду, глядя на гостя.

– Договорю с хорошим человеком и тебя послушаю. Быстрее, чем подкую, не подкуется. Погуляй пока, десятничек.

Уважением к вою в речи кузнеца и не пахло. Он и сам был, судя по всему, человеком в Лтаве уважаемым.

– Что за птиц? – перенес внимание на Волшана дружинник. – Слышь, братик, поди сюда!

В кузнице стало тесновато. Мальчишка выскочил вон, когда второй такой же детина возник у ворот.

– Кто таков, спрашиваю! – надвинулся на Волшана первый из братьев.

Кузнец вздохнул, сказал негромко:

– Иди, по добру. К утру сделаю.

И покачал головой.

Волшан молча обошел одного брата, но другой схватил его за плечо. Напрасно. Оборотень дернулся, освобождаясь, и проскочил мимо, наружу.

– Ты постой уже! – догнали его окрик и сильнейший подзатыльник, от которого лязгнули зубы и зазвенело в ушах.

Братья напрашивались на драку, а Волшаново терпение таяло как весенний лед.

– Тебе и десятник не указ, бродник? – зарычал один из братьев.

Собрав последние капли воли, Волшан обернулся:

– Не твоей я дружины, десятник, чтобы в строй вставать по твоему слову. Ухожу уже. Прощай.

– Ну да-а? – растянул полные губы в улыбке второй братец. – Уходит он!

Его здоровенные кулаки сжимались и разжимались в предвкушении драки. Помня, что неподалеку осталась Неждана и что она может натворить, самим богам неведомо, оборотень пытался уйти миром, да не вышло. Старший из братьев уже заходил со спины. Волшан потянул из-за пояса кинжал. Авось не станут молодые вои всерьез с ним связываться...

Не сложилось. Против двоих он бы еще устоял, не вынь они мечи. Затыкая пасть внутреннему волку, молясь всем богам сразу, чтобы Неждана не кинулась его выручать белым днем посреди городища, Волшан уступил двум праздным болванам, едва услышал, что потащат его на суд наместника. Видимо, пришло время и княжий амулет использовать, не только подорожные.

Наместником Великого князя в Лтаве был посажен Боголюб, служивший в Мстиславовой дружине еще в те времена, когда тот Тмутараканским князем был. С годами его сильное, покрытое шрамами тело расплылось, но длань не утра-

тила былой крепости. Человеком он был суровым, Мстиславу преданным. С домочадцами и горожанами не цацкался. Иерей Иоанн, щурясь от полуденного солнца, ждал, пока наместник закончит трапезу.

– Ты бы поел со мной, божий человек, – отерев жирные губы, пригласил Боголюб, – а то кусок в горло не идет, как гляну на твою худобу.

– Сыт я, благодарствую, – степенно ответил Иоанн.

Он пришел говорить о делах и надеялся, что благодушный настрой отобедавшего наместника будет тому в помощь.

Иерей Иоанн, прибывший в Лтаву на замену почившего предшественника, веровал истово. В сан его возводил сам митрополит киевский, он же и в Лтаву направил, дозволив собрать в растущем городище полный причт. Новое место служения Иоанну понравилось, вот только тревожили местные порядки. Лтавичи в храм ходили недружно, десятину несли из-под палки. Дьяк Никола жаловался, что в капища народ гурьбой валит, а на воскресную службу – ручейком. «Эх, – сокрушался преданный христианской вере Иоанн, – что тут поделаешь, если и в самом Киеве идолов по сей день почитают». Он считал такое великим святотатством, но держал эти мысли при себе. До поры.

Неожиданно с широкого двора перед крыльцом послышался шум. По ступенькам затопали, и в трапезную, стягивая шапки с голов, ввалились двое – широкоплечие, высокие, кудрявые – наместниковы сыновья-погодки. В Лта-

ве их мало кто не знал. Оба служили в дружине, характерами были задиристы и до девок охочи.

– Отец, – запальчиво начал старший, – мы чужака привели! Дерзкий дюже, чуть меня не порезал, не посмотрел, что я десятник! И нож у него печенежский! А ну лазутчик какой?

– Ага, – поддакнул младший. – И рожа...

Наместник вздохнул:

– Что – рожа?

– Ненашенская...

– Где он?

– На дворе.

Иоанн с досадой смотрел, как Боголюб восстает из-за стола, задевая его тугим животом, как тяжело топает за сыновьями к выходу, словно его, божьего посланца, тут и вовсе нет. Ничего не оставалось, как отправиться следом.

Перед теремом, на коленях и лицом в пыль, согнулся человек. С высокого крыльца была видна его грязная шея, поредевшие на темени волосы, слипшиеся от пота, да руки за спиной, скрученные веревкой.

– Поднимите! – рявкнул наместник.

Дружинники споро вздернули чужака на ноги.

– Кто таков? Что в моем городе ищешь?

Волшан собрал все терпение, которое еще оставалось, и спокойно ответил, чуть шепелявя из-за разбитой губы:

– Великого князя Мстислава избранник. На то амулет

имеется. Развяжите руки – покажу.

Братцы переглянулись недоверчиво. Наместник насупился, непонятно, на кого больше сердчая – на сыновей или на лгуна-оборванца, каким выглядел Волшан.

– Где?

Волшан опустил голову, указывая на рубаху, залитую кровью.

– Достань, – велел наместник старшему сыну, десятнику.

Тот потянул лапищей за тесьму и вытащил княжью печать. Чуть в ладонь ее не сгреб, да отцовский окрик вовремя его остановил. Амулет свесился поверх рубахи.

– Развяжите его и в избу ведите, – устало обронил наместник и окинул сыновей тяжелым взглядом, как дубиной огрел.

– Ты прости моих ребят. Молодые они, горячие. Может, оттого их княжья печать и не признала, – оправдывался наместник позже, когда Волшану с Нежданой дали поесть да помыться и в доме место под ночевку определили как желанным гостям.

«Дурни твои ребята», – про себя подумал Волшан, но вслух ничего не сказал. Кивнул только. Повезло, что наместник знал Мстислава лично, и слово киевского князя в Лтаве дорого стоило.

Иоанн в тереме наместника долго не задержался. Не по сердцу ему был Боголюба гость. И девка его, с глазами дикой кошки – тоже. Но больше всего не нравилась ему Мстисла-

вова затея с пророчеством. Так и упреждал архиепископ из далекой Византии, когда приезжал к митрополиту киевскому, что сие есть грех большой и отступ от веры истинной. На дворе ему попались сыновья Боголюбя – печальные и непривычно тихие. Гнев наместника был тяжел.

– А что, дети, – мягко обратился к ним Иоанн, поведя глазами – не следит ли кто? – пожурил вас отец?

– Не то слово, – вздохнул младший. – А мы дурного не хотели!

– Конечно нет! Он и мне не по нраву, гость этот. Может, амулет-то и не его вовсе?

Иоанн рисковал, роняя подобные сомнения в горячие головы сыновей Боголюбя. И рисковал сильно, но что-то подсказывало, что поступает он верно и Господь сейчас, как и всегда, на его стороне. Наместник мог ошибаться, а иерей не имел на то права.

– А вдруг и правда? – встрепнулся старший. – Что нам делать, отец Иоанн?

– Я бы подслушал, о чем эти двое говорить будут, а потом уже решал, – уклончиво отозвался иерей, надеясь, что братья, как обычно, не утерпят да затеют драку. А там, глядишь, и покажет избранник княжий свое нутро.

В том, что с ним что-то неладно, Иоанн не сомневался ни минуты. И Боголюбю сказать пытался, да тот слушать не стал.

– Не, – помотал головой младший. – Отец велел на глаза не попадаться. Нам в дом хода нет, пока не остынет. Может,

вы послушаете? Мы покажем, как тихо в дом пройти и уйти тихо.

Когда стемнело, Неждана застыла у окна.

– Не смей сегодня зверем обернуться, – проворчал Волшан, зевая.

– Того-то я и боюсь, – жарко зашептала она. – Как сделаться такой, как ты? Как управлять этой силой? Самой решать, когда обернуться зверем, когда человеком ходить. Самой выбирать, кого убить, кого в живых оставить?

– Эк тебя! – покачал головой Волшан. – В огне заживо погореть для начала. Пустое это. Скует цепь кузнец, она тебя и удержит, ночь перетерпи.

Он вмял кулаком подголовный валик и тут же вскочил как подброшенный – амулет на теле затрепетал будто живой. Звериная часть натуры Волшана шевельнулась, просыпаясь, заставила настороженно прислушаться. За дверью покоев кто-то стоял, стараясь дышать тише и оттого сдавленно перхая.

Одним скользящим движением Волшан метнулся к двери, и не успела Неждана оглянуться, как он уже втаскивал в слабо освещенную комнату тщедушного человечка, крепко зажимая тому рот.

– Дверь! – прошипел Волшан девке – и поволок свою жертву поближе к свету чадающей лампы.

– Вот те на! – ошарашенно пробормотал он, разглядев из-

вивающегося и мычащего в ладонь ночного гостя. – Монах!

Тот вращал глазами, страшно выкатывая их из глазниц, елозил ногами по полу и непрерывно мычал.

– А что, монашек, по твоей вере подслушивать – не грех? – зло прошипел Волшан, пытаясь сообразить, много ли тот услышал и что им теперь делать?

Судя по тому, как яростно бился слабый телом монах, услышал он достаточно.

– Вяжи его! С постели тряпье рви и вяжи! – велел Неждан-не Волшан, а сам подумал, что монах, скорее всего, тишком в дом пробрался. Незаметно было, чтобы наместник его особенно привечал.

То, что, по сути, монах был прав в своем недоверии, ничего не меняло. Он был накрепко спеленат, как дите малое, да полосами льняной ткани поверх обвязан. Рот ему Волшан забил кляпом из того же льна.

Неждана так испугалась, что думать забыла о том, как не обернуться. Притиснулась к Волшану, дрожа и всхлипывая, будто девчонка обычная.

– Теперь нам ничего не поможет!

– Утри сопли-то, – вздохнул оборотень. – На рассвете цепь заберем и уйдем. Пока его хватятся да отыщут, от нас и след простынет.

Но в глубине души он вовсе не был в этом уверен.

Кузнец не подвел. Недовольно ворча и натирая красные

глаза, ссыпал тугие звенья цепи Волшану в руки и показал, как хитрым замком пользоваться. Восхищенный, Волшан щедро с ним рассчитался и отметил, с каким достоинством, без жадности, принял кузнец оплату. Вздыхнул, хоть напрасный был вздох. Когда-то ему хотелось жить так же – праведным трудом, не прячась по лесам, не стыдясь людей и не опасаясь. Вместо того стал он душегубом по чужим пожеланиям, скитался по свету от заказа к заказу, не спрашивая, в чем его жертва виновата и чем заслужила лютую ночную смерть... И теперь вот спасителем назначен, а в паре с ним нелюдь. Бредет к городским воротам, пряча лицо под платком.

Лтаву они покинули неспешно и только за стенами затопились. Впереди лежала река, но ждать переправу не стали, двинулись вдоль, к лесу.

Иоанна нашли братья. Едва развязали, как он, отплевавшись, сбивчиво зашептал:

– Отец знает, что я в доме?

– Не, он и про нас не знает, – замотал головой младший. – Прознает – прибьет!

Старший мрачно кивнул, оглядывая разоренную постель.

– Что случилось? Где... эти?

– Слушайте меня, дети мои! Никакой он не княжий избранник. Нечистая сила в нем и в девке его! Изловить их надобно да отцу представить! Тогда и ваша правота подтвер-

дится, и гнев на милость сменится!

Иоанна трясло, пересохший язык едва ворочался во рту, но мыслил он на удивление трезво. Такой случай показать ошибочность княжьего приказа! Сынкам наместника не обязательно знать, что амулет на шее беглеца настоящий – сам-то он дьяволом послан, не иначе. Вот до чего довело Киев якшанье с безбожниками-колдунами.

– Возьмите троих-пятерых воев, кому доверяете, велите молчать да бегите вослед! Торопитесь!

– А вы, отец Иоанн? – забеспокоился младший.

– Я сам до храма доберусь. Со мной Бог!

Учуяв погоню, Волшан обернулся зверем, но с Нежданы цепь не снял, как она ни молила. Были они на самой кромке леса и уйти уже не успевали. Конные догнали бы легко. Городище леса рубило много, и здесь он был редким – больше пней, чем дерев. Чувствуя, как дыбится холка, Волшан рыкнул на девку – беги, прячься – и встал мордой к погоне. За спиной захрупали сухие ветки под девкиными ногами – послушалась. Поволокла торбу с пожитками и одежей в овраг.

Первым вылетел десятник на давешнем рыжем коне и тут же едва не свалился на землю – распаленный конь при виде Волшана вздыбился, заржал, размахивая в воздухе передними ногами. Хороший конь. Такой и прибить может.

Вслед и еще трое подтянулись, вместе с другим братом. Там кони поплоше оказались – захрапели, заплясали. Двоих

воев сразу опрокинули, одного вороной верхом унес в сторону реки.

— Га! — хлестанул рыжего десятник, напирая на ощерившегося Волшана.

Умный конь близко не шел, крутился вокруг. Волшан-то ненамного меньше его и страшен! У десятника лицо побелело от ужаса, но отступить перед младшим братом он не мог, пытался мечом до волкодлака дотянуться, а рука ходунном ходила. Младший с земли поднялся, меч из руки в руку перекидывает, в глазах — огонь. Не то смелый, не то глупый совсем. Волшан крутанулся волчком, отгоняя коня, да зарычал дико, аж самому страшно стало. На деревьях листья задрожали, у коня шкура пошла передергиваться. Взбрыкнул он как следует, десятник оземь грохнулся, а конь стреканул резвым галопом в сторону дома.

Оказавшись лицом к Волшановой оскаленной морде, братья сникли. Воинственный пыл куда-то подевался. Убивать их не хотелось, и не стоило. От остальных дружинников и следа не осталось. Волшан замер. Зверь мешал думать — он был голоден и зол. Мотнув башкой, Волшан прыгнул...

Расцарапанные и безоружные, сыновья наместника добрались до городских стен далеко за полдень. И никогда никому не признались, что приключилось с ними в то утро.

Они снова двигались вдоль дороги, не показываясь, но и не заходя далеко в чашу. Неждана молчала, хмуясь и покусывая губы, но не жаловалась. Волшан ее не жалел – шел привычным шагом, в меру широким, в меру скорым. Что делать с девкой в Киеве он так и не придумал, и ее присутствие тяготило все больше.

В полдень напились из холодного ручья и доели остатки козьего сыра, которого не хватило, чтобы насытиться ни ему, ни ей. Голодный и злой, Волшан обернулся к отставшей на пару шагов Неждане:

– Зря идешь. Там с тобой нянчиться не станут. Разом прихлопнут.

– Тебя, думаешь, не прихлопнут? – огрызнулась она.

– Говорил уже. На мне княжий знак...

– Сильно он тебе помог в Лтаве?

– Мстиславов знак, дура. Мстислав в Киеве сидит, – сердито отрезал Волшан.

Упрямая девка много дней ничего не желала слушать. Прицепилась хуже репья. И амулет на нее не серчал, постукивал по пузу, прикидывался обычным серебряным кругляшом.

– Скоро ночь. Обернемся, поохотимся. Ближе к Киеву уже не получится.

Она обрадованно подпрыгнула, сразу забыв про усталость. Двумя руками выпростала цепь из-за пазухи, и та легла поверх платья железным ожерельем.

– Дура ты, – вздохнул Волшан, осматриваясь в густеющих сумерках.

Заметил впереди прогалину и направился прямо к ней, не оглядываясь на отстающую Неждану.

Темнота упала резко. Волшан успел ступить на поляну, слабо серебрившуюся лунным светом по траве, когда боковым зрением увидел за Явью Навь. Там, в стране смерти, кто-то стоял, поджидая. Он догадывался кто.

Она была бы так же красива, как десять лет назад, если бы не несло от нее мертвечиной за версту да глаза, прежде сиявшие веселыми огоньками, не горели теперь угольно-черной злобой.

Вышагнула за грань Нави, будто и не было этой преграды, и встала перед Волшаном во плоти. Амулет заledenел, предупреждая об опасности, волчье чутье наружу рванулось – не то растерзать мавку, не то для того, чтобы бежать сподручнее было, а Волшан застыл на месте как громом пораженный.

– Здравствуй, любимый, – сладким голосом пропела мавка Ждана. – Не рад?

– Чему радоваться? – выдавил Волшан, едва шевеля языком.

– Ну, как же? Свиделись наконец. После стольких лет. За спиной вскрикнула Неждана, слышалась возня и зве-

риный рык, но он не оборачивался. Подумал, что убивать свою они не станут.

– С чем пришла? – спросил Волшан, мысленно примериваясь, как бы половчее успеть обернуться да мавку отправить, откуда пришла.

– Ой, какой ты стал! – изобразила она обиду. – Ну, раз хочешь сразу о деле, будь по-твоему. Сними медальку да поверни назад, любимый. Там дед Славко один совсем, помнишь? Тогда мы и его не тронем, и эту твою, – мавка кивком указала Волшану за спину, – в живых оставим. Обещаю. И сам ты тогда уцелеешь, а нет, – голос изменился, теперь она зашипела змеей, – так я тебя давно на этой стороне дожидаясь.

– Грозишь ты смело, – недобро прищурился Волшан. – А так ли смело поступишь, если все-таки «нет»? С чего вдруг столько чести, да мне одному? И деда Славко вспомнила, и волкодлачкой грозишь, будто она не твоего рода-племени?

– Волша-ан, – кошкой мурлыкнула мавка, – и ты – того же племени, как бы не представлялся особенным. Задурил Славко тебе голову, но ведь я-то поправила, разве нет? С чего тебе за людишек биться? Ты их прежде не жалел, и они тебя не пожалеют – помнишь ли о том?

Она томно повела мертвенно-белыми плечами, и тонкая ткань бесстыжего платья соскользнула к ногам, оставив Ждану совершенно нагой. Залитая мертвящим светом луны, покачивая бедрами, она медленно двинулась вокруг Волшана,

не сводя темных глаз с амулета.

– Сними его, брось. Не обнять мне тебя, не приголубить! Неужто не хочешь всё исправить, люб мой? – шептала мавка, и от ее шепота Волшана как молнией пробило желание.

Амулет горел холодным огнем, но Волшан словно спал – и чувствовал боль, и не чувствовал. Мысль о близости с мавкой была и мерзостна, и сладка. И чем дольше она напевала похабные слова, тем более желанной становилась. Почудилось, что перед ним и впрямь его Ждана. Живая, не растерзанная им же десять лет назад, в самую первую, неловкую и страстную, ночь любви.

– Молчи, Ждана, молчи, – одними губами прошептал Волшан, а рука как чужая сама к тесемке амулета потянулась...

Опомнившись, он задохнулся, рванул ворот рубахи, но тесьма попала под пальцы и лопнула. Княжий амулет и волохов оберег упали в траву, проскользнув под распоясанной рубахой.

На него налетели и спереди, и сзади. Мавка, сбросив морок, враз пострашнела, воткнула Волшану в лицо кривые когти. Со спины навалился кто-то тяжелый, смраднодохнул в затылок, и на шее сомкнулись чьи-то зубы. Волшан замычал от боли. Пытаясь вывернуться, рухнул на колени, утягивая за собой визжащую хуже пилы мавку и того, кто громко сопел, стремясь оторвать ему голову.

Оборот был мучительным. Чужие зубы душили на манер

Збыниной цепи, но им не доставало захвата. Его зверь был в ярости от боли, а Волшан – от унижения. Взревев, он поднялся на задние лапы, стряхнув мавку и выворачиваясь из огромной разъявленной пасти. Кто-то громадный, не волк и не медведь, почти черный, с глазами-угольями – бросился снова, рыча и щелкая зубами. На границе зрения оборачивалась Неждана, и ее мучительный стон тоже превращался в утробный рык.

Два зверя сцепились в клубок. По сторонам летели клочья шерсти, траву окропляла кровь, черная в лунном свете. Мавка, которой Волшан снес половину лица ударом лапы, страшно хохотала, легко отпрыгивая в сторону от грызущихся и закидывая голову назад так сильно, как никакому живому существу не закинуть.

Волшан слабел. Свирепый противник прокусил ему переднюю лапу, выдрав изрядный кусок плоти. Рана начала стягиваться, но он исхитрился по новой рвануть в том же месте.

Боль и зуд во всем теле сводили с ума, а звериная красная ярость почти заставила Волшана забыть себя самого...

– Стой! – внезапно скомандовала мавка.

Распаленный черный зверь повиновался не сразу, но все же повиновался. Придавил Волшана к земле, и он покорился, используя момент передышки. Может быть, кровь успеет остановиться?

– Зря ты меня не послушал, Волшан, – снова запела мавка.

Она была страшна, с бескровным лоскутом кожи, свисавшим со щеки, с побелевшими, мертвыми глазами и с длинным древком копья в далеко отставленной руке. Наконечник – узкий и острый – тускло блестел серебром. Волшан прикрыл глаза, не в силах усмехнуться. Да и нечему было. Пусть не действовало на него серебро и нежить старалась зря, вот только наконечник копья, оставленный в сердце, не позволит ране затянуться. Бессмертны только боги, а Волшан даже и не человек, где уж ему...

При виде серебра нелюдь ослабил хватку, словно отступить собирался. Но не отступил. Волшан спружинился, почувствовал, как изо всех ран хлынула кровь, и снова распластался на траве. «Ну и где твой Семаргл, дед Славко?» – взвыл мысленно.

Бесшумно, словно призрак, над их головами пролетела светлая тень и врезалась в мавку, повалив ее на землю.

Мавкин визг и рычание обернувшейся Нежданы слились в ужасный хор. В Волшана словно ушат огня плеснули – таким нестерпимым стал зуд, но и сил откуда ни возьмись прибавилось втрое. Одним рывком отшвырнув с себя нелюдь, он бросился в атаку. И не зверь, и не человек – вдвое страшнее обоих. Когти, зубы, мощное тело и человеческое сердце, жаждущее жизни...

Вцепился в горло, чувствуя, как пасть заливают чужая кровь, и рванул что было сил. Что-то хрупнуло под клыками, щедро плеснуло горячим, потянулось на лопающихся жи-

лах... Зверь беззвучно повалился на траву, едва не подмяв Волшана, и задергался в агонии.

Припадая на все лапы сразу, Волшан подошел к распростертой на земле мавке. Подойдя, обернулся человеком. Слишком велико было желание зверя растерзать ее обезглавленное тело. Ноги подкашивались, а руки тряслись, как у столетнего деда, но он нашел в себе силы добрести и до Нежданы. Она обернулась, умирая. Свернулась в клубочек, обняла древко копья, глубоко засевшего в груди серебряным острием. Рядом валялась оторванная голова мавки, длинные локоны по траве разметались. Волшан опустил на траву рядом с обнаженной девушкой и моргнул – глаза едко щипало. Неждане хватило одного прыжка, чтобы оторвать мавке голову и поймать в грудь копьё, не ей предназначенное.

Вспомнилось, что богам приносят жертвы. И, пожертвовав, не сокрушаются... По своей ли воле явилась мавка или кому-то и впрямь не хочется допустить Волшана в Киев, но выбор Нежданы лишил его последних сомнений. До Лысой Горы оставался день пути.

Шатаясь и сбивая босые ноги о корни деревьев, Волшан попытался отыскать в траве свою котомку и потерянный амулет. Зуд в теле был такой, словно его живьем в огонь сунули, левая рука висела плетью и продолжала кровить выше локтя. Там не хватало изрядного куска мяса. Волшан ощерился в сторону темной меховой кучи и сплюнул. Показалось, что в зубах застряла чужая шерсть – он выдрал нежити кусок

глотки вместе с хребтиной.

Что-то блеснуло на земле, и Волшан резко нагнулся. Темные стволы дубов качнулись в сторону, в глазах засияли звезды, и он завалился в холодную траву лицом вниз, ничего больше не чувствуя.

Десятник вел дозорный отряд, змейкой петляя вдоль тракта, то углубляясь в лес, то выходя к самой дороге. Таких беспокойных времен не помнили даже древние деды, а потому князь Мстислав повелел все подходы к Киеву охранять особо. С десятником было пятеро конных дружинников, закаленных в битвах и проверенных в застольях. Тишину раннего утра нарушали лишь редкие птичьи трели да позвякивание железа в удилах... Двигались скрытно, неспешно, но стоило в очередной раз углубиться в лес, огибая небольшой овражек, как кони встрепнулись все разом, захрапели и заплясали под всадниками. Десятник сгреб поводья, осаживая коня так, что тот едва не затоптал собственный хвост. Подав дозору знак остановиться, он спешился, кинул повод одному из дружинников, а сам, пригнувшись, двинулся туда, куда косились кони. Они продолжали крутиться под воями, заложив уши, храпя и выкатывая глаза так, что показались белки.

Было отчего им храпеть да плясать! Такого он еще не видел. Под тенью больших дубов, на травяной поляне, валялись три обнаженных мертвых тела и туша громадного зверя... У безголовой женщины кожа была серой как пепел, а

когти на растопыренных пальцах вспахали землю как плуг. «Нежить», – вздрогнул десятник.

У черного зверя, напоминавшего слишком лохматого медведя, кто-то выдрал глотку, совсем выдрал: огромная башка на спину закинулась на пустой шее, открывая свету зияющую рану. Лапы – страшные, совсем не звериные – и в смерти тянули куда-то длинные пальцы... «Нелюдь!» – догадался десятник, впервые увидев эдакое чудовище своими глазами. Он зябко повел плечами и неловко перекрестился.

Обнаженная мертвая девочка, лежавшая поодаль, в побелевших кулаках сжимала древко копья, а рана вокруг наколенника будто обуглилась... Последний мертвец, весь в застывшей крови и струпьях едва подживших ран, уткнулся лицом в землю всего в нескольких шагах от оскаленной головы нежити, вырванной вместе с частью позвоночника. Голова слепо таранилась бельмами в небо, скрытое зеленью кроны большого дуба.

Десятник коротко свистнул и наклонился над израненным мертвецом, единственным, про которого непонятно было – нечисть он или человек. Ткнул ножами в плечо. Заметил на спине, повыше лопаток, под кровавыми следами, колдовской знак. Опасливо подцепил сапогом тело, перевернул и отшатнулся. Мертвец слабо замычал и дрогнул веками.

– Сюда! – уже не скрываясь, крикнул вой.

Трупы сволокли в овраг, завалили ветками да запалили.

В сторону деревьев поплыл дым, слоясь во влажном воздухе как сизый туман. Оставлять их в лесу десятник опасался. А ну как оживут к ночи? Кто их знает... Дозорные ворчали, но дело делали.

Живому, но беспамятному связали руки-ноги да перекинули десятнику через седло, мордой вниз. Слипшаяся от крови борода пленника елозила по голенищу нового сапога, и десятник досадливо поморщился.

– Погодь, – окликнул его младший из дружинников. – Тут что-то...

Не договорив, он вдруг заорал и рухнул на колени под деревом, баюкая правую руку и грязно ругаясь сквозь зубы.

– Что? – крутанул захрапевшего коня десятник.

– Тут какой-то медальон, – просипел раненый.

– Не трожь! – велел десятник.

Спешиваться не стал. Направил коня – возбужденного, храпящего под двойной тяжестью – к дружиннику, которого уже обступали остальные. Тот уже вставал, разглядывая обожженную руку.

– Смотри, чуть не до костей спалил! – сунул он ладонь в лицо товарищу.

Тот отступил от находки.

– За шнурок возьми, – велел командир, свесившись с седла и почти касаясь лицом зловещей метки на спине пленника.

– Не, – помотал головой раненый.

– Да не ты!

Стоявший ближе всех к опасной находке потянул из травы шнурок. Ничего не случилось. Держа медальон за шнурок как гадюку за хвост, он протянул его десятнику.

– Дурни! Это же княжеская печать! Видать, нечисть в ночи на княжьего избранника напала... Силен был – скольких успокоил! Жаль... Ну, этому-то не отвертеться.

Он пнул пленника коленом в ребра и выслал коня вперед.
– Возвращаемся!

В тяжелой голове грохотало, словно в ней с боевым кличем мчался целый печенежский фем. Волшан замычал и попытался открыть глаза. Первое, что он увидел, – свои руки, связанные грубой веревкой. Они болтались над дорогой, убегавшей под копыта коня. Заслезились налитые кровью глаза. Он моргнул и скоился на сапог из доброй кожи возле самого лица.

Поднять голову не получилось. Захрипев, Волшан пошевелился и почувствовал, как давит на ребра высокая лука седла. В спину ударили – болезненно, резко – вместе с грубым: «Не дергайся!»

Судя по стуку копыт, коней было несколько. Теперь Волшан чуял запах оружейного железа и жесткость кольчуги, кольцами впивавшейся ему в бок. От желания немедленно обернуться свело челюсть, но это был бы огромный и, скорее всего, смертельный риск.

– Куда мы его? – перекрикнул кто-то из всадников конский топот.

– В Киев, к воеводе. Пусть там и разбирают, – отозвался грубый голос вибрацией в Волшановом боку.

Оборотень растянул в улыбке губы, отчего на них растрескалась корка засохшей крови. Его голова дергалась на тряском галопе, лицо тыкалось в покрытую потом шкуру лошади, сапог всадника то и дело норовил заехать в подбородок, а Волшан смеялся, не в силах остановиться. Голый, связанный, лишенный всего, он смеялся над собственной судьбой. Только сейчас он вдруг понял, что старый жрец не просто так подарил ему вторую жизнь, и поверил, что все пути, пройденные за двадцать лет, вели именно сюда. В Киев. И именно теперь.

На загривке запульсировала огненная боль, будто дед Славко снова притиснул туда раскаленную в углях железку со знаком Семаргла. И с этой болью тело наполнялось необычайной силой.

Конь внезапно захрапел и вскинулся, Волшана перебросило на всадника, и передняя лука седла мгновенно выбила из него дух, ударив в живот. Оборотень вместе с десятником рухнули под копыта. Взбесились все кони. Они крутились, свечами вздымались на задние ноги, но остальные дружинники умудрились остаться на лошадях и безнадежно пытались их умирить. Если бы не вес Волшана, усидел бы и де-

сятник, но теперь он, оглушенный падением, тряс головой и глотал пыль на земле, рядом со связанным пленником. Волшан, который упал на него сверху, с трудом поднялся на ноги, путаясь в распутившейся веревке на ногах, и пытался разглядеть причину суматохи.

Путь дозорному отряду преграждал огонь. Невысокий, он горел нестрашным бледно-зеленым пламенем по кругу. В центре огненного кольца стоял кто-то высокий, кутаясь в черный плащ, пряча лицо под низко надвинутым капюшоном. На корявом посохе, который держал незнакомец, недвижно сидел крупный ворон.

– Чего ждешь, оборотень? – спросил незнакомец и сдвинул капюшон. Черные глаза на бледном лице горели отсветами колдовского огня. – Наш час близок! Прими свой истинный облик и покажи этим жалким червям, чья здесь воля!

Он ткнул посохом в пыль под ногами, и ворон слетел с него, хлопая крыльями и разразившись сварливым карканьем.

Зверь рванулся наружу, подкосив Волшану ноги. У висков заломило как никогда прежде. Колдовской приказ ломал его волю, словно жалкий прут, и не было на груди волохова оберега, чтобы защитить. Была лишь дорога, колдун в круге огня впереди – и вои за спиной, беззащитные перед колдовством. А еще – злость, какой Волшан раньше не испытывал. Холодная и опаляющая одновременно.

Кто-то из дружинников бросил обезумевшую лошадь и

ринулся к колдуну, выставив копьё, но огонь стеной поднялся на его пути, и молодой вой с криком повалился на землю. Над плечом Волшана пропела стрела и огарком упала за пределами колдовского круга.

Волшан закричал страшно, нечеловечески, сопротивляясь обороту, колдовству, страху и себе самому. Вытянул меч из ножен оглушенного десятника и выпрямился, надрывая сведенные судорогой жилы. У него был шанс решить, кто же он такой, в конце концов? И оборотень всем существом чувствовал – другого шанса не будет никогда.

– Истинный облик, говоришь? – прохрипел он. На губах треснула корка, и рот заполнился вкусом крови. – Сейчас, покажу!

Колдовской огонь не жег и не причинил ему никакого вреда. Не от таких, как Волшан, он должен был защитить колдуна. Совсем еще нестарый, тот удивленно смотрел, как нагой и грязный человек перешагнул пламя и, не замедляясь, с широкого замаха снес ему голову вместе с капюшоном. Посох выпал из ослабевшей руки, обезглавленное тело колдуна мешком осело в пыль и вместе с ним осело пламя, не оставив после себя никакого следа.

Волшан повернулся к десятнику, которого поддерживали два воя, и направился прямо к ним, не обращая внимания на ощерившиеся в его сторону острия мечей. Почти наткнувшись на один из них, Волшан протянул руку. Княжья печать тепло засияла, едва ее снова коснулись пальцы Волшана. Он

сдернул тесьму с пояса дружинника, надежно упрятав амулет и оберег, словно свою судьбу, в крепко сжатом кулаке.

– Меня зовут Волшан. Я – княжий избранник. Иду к Лысой Горе, и это принадлежит мне!

Получилось негромко, но услышали все. Зверь недовольно ворочался в его груди, но Волшан знал, что никакой власти над телом у волка больше нет. Никто – ни жрец, ни колдун, человек или нежить – больше не сможет решать за Волшана, кем ему быть. Он сделал свой выбор.

Владимир Орестов

Тайных дел мастер

*Дальними тропами ходит он и многими именами зовется. Дважды десятеро господ говорят ему, но нет над ним повелителя. Знак Бездны на теле его и чужой Крест, но нет Тьмы в его сердце...
Бояново пророчество. Стих тридцать третий*

1

Дорога в этом месте делилась надвое. По левой обочине еле-еле ковылял старик с берестяной котомкой на плече.

Андрей остановил лошадь, спрыгнул, подошел поближе:

– День добрый, отец!

– И тебе здравствовать, воин! – Дед, прищурившись и закрыв ладонью глаза от солнца, окинул взглядом Андрея.

Вблизи старик выглядел не просто пожилым – древним. Густая сеть морщин, кожа вся в россыпи темных пятен, тонкий бесцветный овал рта. Только глаза были не старые – яркие, блестящие, любопытные.

– Не видел, отец, дружина здесь не проходила из Киева?

Старик на мгновение задумался, затем кивнул:

– Видал, видал. Проезжали здесь люди ратные. Отстал ты,

что ли?

Что-то не так было с дедом. Андрей не мог понять, что его беспокоило, но унять странную тревогу не мог.

– Гонец я, послание им везу от князя Мстислава, – соврал он. – Куда пошли-то они – на Берестье или на Волковыск?

Дед задумался, поглядел по сторонам, еще раз пристально посмотрел своими странными, слишком молодыми глазами на Андрея:

– На Берестье поскакали! – наконец будто решил он. – Если конь резвый – нагонишь! Но аккуратен будь – плохая там сейчас дорога!

– Что в дороге той плохого-то? – не понял Андрей.

– Тати шалят, да и нелюди порой за мясцом охотятся человечьим! – уточнил дедок и почему-то усмехнулся.

– Понятно, – кивнул путник. Подобное он слышал, пожалуй, о любой дороге западнее Киева. – Давно видел-то отряд?

Старик поглядел на солнце:

– Ну... поутру еще. Но нагонишь, коли захочешь, непременно нагонишь...

Андрей не собирался догонять отряд сегодня, но об этом он странному деду говорить, разумеется, не стал. Вскочил в седло, крикнул:

– Благодарствую! – И поскакал по указанной дороге, ведущей в густой темный лес.

Оглянулся – старик стоял на том же месте и провожал Ан-

дрея пристальным взглядом темных глаз.

Несколько часов Андрей скакал по совершенно безлюдной узкой лесной дороге. Лес был здесь недобрый – густой, темный, болотистый. Вполне подходящее место для татей, да и для нечисти.

Внезапно Андрей остановил лошадь. Прислушался, затем вытащил лук, накинул тетиву и поскакал что есть мочи.

На небольшой поляне шел бой.

Бой, который киевский отряд безнадежно проигрывал.

Половина из десятка лежала на земле, униженная стрелами. Оставшиеся в живых, сомкнувшись в круг, с трудом отбивались от наседавшего противника. Андрей узнал гридня Ратибора – тот рубился одновременно с двумя врагами. Монаха, который должен быть при отряде, нигде видно не было.

Всадника, все еще скрытого за деревьями, в горячке боя никто не замечал.

Андрей спрыгнул с коня аккуратно, чтобы не побеспокоить ногу, бросил поводья – конь обученный, не уйдет. Вытащил лук из налуча.

Оставаясь незамеченным за деревьями, он подкрался поближе к прогалине.

Лук у Андрея был знатный, степной. И стрелы – добротные – такие, что и летят далеко, и броню влет пробивают.

Несколько мгновений Андрей потратил на то, чтобы по-

нять, кто же атаковал киевлян. Это были точно не лесные тати, о которых говорил дед. Против дружинников бились опытные воины, пусть и одетые кто во что горазд.

Кто это мог быть? Наемники? Наверное, да. Собрались, казалось, из всех окрестных земель в глухом лесу ради небольшого отряда киевлян. Да еще мастерски организовали засаду – положили половину дружины еще до начала боя!

Рухнул еще один киевлянин. Нужно было действовать.

Андрей прицелился.

Раз, два, три – полетели стрелы в спины врагам.

Не только лук у Андрея был знатный, стрелял он тоже мастерски.

Появление третьей стороны внесло сумятицу. Кто-то из наемников упал, несколько воинов закружились в поисках новой угрозы, ряд нападавших распался.

Какой-то угр в красной шапке завопил:

– Вот он! – и первым бросился на Андрея.

За угром последовало еще двое – жилистый балт с коротким мечом без щита и детина в шкуре волка на плечах.

Первым выстрелом Андрей снял угра – попал в шею прямо над щитом, который враг держал чуть ниже, чем надо. Угр споткнулся и рухнул на землю, раскинув руки. Шапка осталась на его голове.

А Андрей уже стрелял в детину в шкуре. Первую стрелу тот поймал щитом, вторую – тоже, но от третьей уйти не смог.

А вот балт без щита оказался с сюрпризом. Стрела Андрея, готовая пронзить неприкрытую грудь, замерла в одном шаге от врага, а затем полыхнула зеленоватым пламенем и за мгновение растаяла без следа. Видя недоумение стрелка, балт торжествующе расхохотался. Ему оставалось пробежать всего пятнадцать шагов.

Но Андрей не дал ему это сделать.

Секундная растерянность прошла. Ему уже приходилось сталкиваться с подобным – несколько лет назад. Вряд ли нападавший был колдуном, а вот колдовская игрушка – амулет от стрел – у него, похоже, был. Или даже не амулет – просто заговор.

Уже не особо целясь, Андрей продолжил стрелять, отправляя стрелу за стрелой.

Раз, два, три, четыре – все стрелы сгорели в воздухе.

Последнюю Андрей выпускал уже практически вплотную, одновременно отступая назад и вбок из-под клинка противника.

Расчет оправдался. Пятая стрела не сгорела, а вонзилась в тело балта.

Тот закричал и тут же замолк – Андрей, уже отбросивший лук и выхвативший меч, ударил всего один раз, коротко, почти без замаха, наискось в голову.

Тут же наклонился, бегло осмотрел тело, оттянул ворот кольчуги – ничего похожего на амулет. Видно, заговорен был мертвец. Дело, конечно, редкое, но не такое уж необычное.

А киевляне тем временем добивали оставшихся нападавших.

Андрей лезть в бой не стал – было неясно, поняли ли киевляне, что он свой, – только отметил еще одну странность. Вместо того чтобы прорываться к лесу, наемники стали сражаться еще более отчаянно.

Казалось, что их цель – умереть, но добраться до монаха. Его только сейчас заметил Андрей.

Раньше тот, вероятно, сидел в центре круга, образованного киевлянами, теперь же поднялся и что-то кричал – то ли молился, то ли, скорее, сыпал оскорблениями в адрес врага.

Монах выглядел еще старше, чем дед, встреченный перед лесом. Был он высок, при этом крайне худ – пергаментная кожа без единого волоска обтягивала скуластый череп. На шее монаха на серебряной цепочке висело что-то в кожаном мешке – вероятно, амулет, цель Андрея.

Тем временем в живых остался всего один нападавший.
– Живьем берем! – закричал Ратибор.

Услышав слова гридня, последний воин быстрым коротким движением рассек себе горло и рухнул замертво.

– У, сволочь! – сплюнул гридень, устало опуская окровавленный меч, затем отвернулся и уставился на Андрея, все так же стоявшего у дуба и даже не собиравшего уцелевшие стрелы. Сделал несколько шагов, предостерегающе выставив перед собой меч.

Андрей не двигался.

– Стой, добрый воин, где стоишь! – крикнул гридень, подошел еще ближе, всмотрелся и изумленно воскликнул: – Хват, ты ли это?!

– Здравствуй, Ратибор, – кивнул Андрей, делая шаг навстречу.

Хрустнули кости – гридень заключил в объятия старого товарища. – Сколько же лет прошло? Два? Три? Нога-то твоя как? Я-то думал...

– Плохо нога, – не соврал Андрей. – Вот езжу по свету, лечение ищу. Всю Русь объездил – теперь на запад путь держу.

– Сам Бог нам тебя послал... – Ратибор обвел поле боя взглядом. – Если бы не твоя помощь – не сдюжили бы...

– Как же вас это так поймали? – Андрей еще раз сосчитал тела. Пятеро отроков лежали, убитые стрелами.

Ратибор сплюнул, почему-то оглянулся на монаха, помогавшего перевязывать раны.

– Он накаркал, пень старый, отец Алексей, чтоб его... Всем остальным отрядам крепкие умом да телом достались, а мне – вот этот, да без волхва еще. Я каждый день боюсь, как бы не помер в дороге дед, да, знаешь, не понимаю: коли помрет – горевать буду или радоваться. Язва он та еще – все ему не так, все ему не то. Порой требует, чтобы встали на ночлег, не проехав и часа, а порой гонит нас – быстрее да быстрее. И с первого дня талдычит – зло рядом, зло близко... Ночевали давеча в селе одном, так он полночи меня донимал – мол, слышишь, гридень, на сеновале черти сидят, нас

схарчить думают. Иди проверь, ты ж главный...

– И что, сходил?

– Сходил. Пастушка местного с девки спугнул...

Андрей охотно рассмеялся, но затем вновь посерьезнел:

– Но как вы все-таки в засаду-то попали?

– С утра дед твердил, мол – берегитесь, воины, берегитесь, враг рядом! Мы его сначала слушали, но после того, как честных купцов напугали, всех галок да воронов с деревьев погоняли, слушать прекратили. Ну и устали за день – немудрено, если на любую тень с мечом кидаться. Вот, – гридень с сожалением кивнул на тела, – головные мои и не заметили засаду. Тебе дед небось начнет твердить о мороке, о колдунах, ты его не слушай... Парни растяпистые у меня впереди ехали, вот и проспали. Теперь вечно спать будут, – грустно добавил он.

Андрей, помнивший заговоренного балта, скептически хмыкнул, но ничего говорить не стал. Видимо, к охоте за амулетом присоединилась еще одна сила.

– А вот кто на нас напал – это вопрос, – продолжал Ратибор. – Не тати это были – воины, и неплохие. Жаль, никого в полон не взяли. Видел, как этот, последний, мечом себя полоснул?

– Видно, амулет княжеский кому-то больно нужен... – осторожно предположил Андрей.

– А ты откуда... ну да, слухами земля полнится: видно, весь мир уже знает, куда и зачем мы едем! Вовремя ты, Хват,

на запад подался, дела лихие у нас в Киеве грядут... А знаешь что, Хват...

Андрей затаил дыхание.

– Ты в германские края, небось, едешь? Путь туда неблизок и дорог...

– Если, Ратибор, тебе помощь с отрядом нужна – не откажусь, – договорил за гридня Андрей.

Гридень расцвел в улыбке:

– Спаси тебя Бог, Хват. Ты с нами до Берестья и до Владимира доберись – надеюсь, найдем там избранника да назад повернем. А тебе, друг мой, не сомневайся, за помощь – заплачу, как полагается.

Андрей был доволен. Все получилось наилучшим образом. Простодушный Ратибор даже не задался вопросом, а с чего бы так удачно старый товарищ подоспел к битве?

Пока собирали тела павших киевлян, пока перевязывались да вырезали стрелы, – прошел последний светлый час. Дальше тронулись уже затемно. Обыск тел нападавших ничего не прояснил, было решительно непонятно – кто они и зачем им был нужен амулет.

Андрей ехал в середине небольшой колонны, рядом с моном.

Некоторое время тот изучал нового участника отряда, затем одобрительно покивал. Вид Хвата внушал уважение: статный, крепкий, волосы и небольшая борода цвета воро-

нього крыла. Кольчужная рубаха, меч, щит, лук, небольшой топорик на поясе.

Наконец, вероятно решив, что новичок достоин разговора, Алексей обрушил на Андрея град вопросов:

– А что за рана у тебя, воин? Слышал я, Ратибор про ногу что-то спрашивал? А звать-то тебя Хват, верно? А раз тебя Хват зовут, то ты зови меня отец Алексей – так меня греки крестили, а как до этого звали – то секрет большой! А Ратибора-то откуда ты знаешь, воин Хват?

Казалось, монах может задавать вопросы бесконечно.

Андрей откашлялся, прервав словоохотливого старика.

– Рана у меня от аспида болотного, – начал отвечать он по порядку. – Два года назад под Черниговом тварь эта завелась, князь охоту объявлял на нее. Там, на охоте, и с гриднем вашим познакомился – тот из Киева приезжал специально.

Андрей не стал упоминать, что пропустил укус, спасая Ратибора от аспида. Главное, чтобы Ратибор об этом помнил.

– И что, плохая рана-то?

– Плохая, – не соврал Андрей. – То затянется, то опять раскроется. Много где был, много чем лечил: и к лекарям знаменитым ездил, и к святым отцам, и к волхвам ходил – без толку всё. Вот в неметчину еду, вдруг найду там помощь. – Андрей продолжал искусно смешивать правду и ложь.

Говорить Алексею о том, что он только месяц как вернулся из Эрфурта, он, разумеется, не собирался.

– На все воля Божья, – протянул монах. – Даст Бог, поправишь ты свою рану. Хорошо, что стрелять нога тебе не мешает. Знатно ты дрался, воин! Всех спас от беды, в которую нас этот дурень завлек. – Алексей покосился на Ратибора. – Я ему весь день твердил, чтобы засады опасался и что хочу я впереди ехать, а он... Я бы зараз морок углядел, в котором вороги сидели...

– Так, значит, морок это был?

– Морок! – убежденно сказал старик. – Плохие тут места, плохие тут люди.

Андрей пожал плечами, огляделся – правда, в темноте что-то увидеть было невозможно.

– Что же в них плохого?

– А ты оглядись. Леса здесь глухие, темные. Не зря говорят – каковы места, таковы и люди. Идолопоклонники, нехристи... Вроде и крещены через одного, а на деле... – Монах сплюнул. Верят в старых богов, да и не в светлых, а в темных – Чернобога, Мару. И кому-то из этих богов наш поход уж точно не по нраву.

Монах подъехал почти вплотную, схватил Андрея за локоть, лихорадочно зашептал:

– Я-то чуял неладное уже несколько дней. Глаз чужой, темный, за нами глядящий. Ратибору говорил, а он... – Старик махнул рукой. – Видал злыдней? А как последний сам себя взрезал? Слуги Чернобога это были, говорю я тебе...

Андрей вздохнул. Надо было как-то перевести разговор

на амулет.

2

Было душно. Народ, заполонивший жалобную избу, томился и ворчал: киевский амулет отказывался выбирать достойного претендента.

Наместник князя Владимирского, в ведении которого находился город Берестье, ушел, сославшись на дела городские. Алексей вел pytania. Ратибор стоял рядом с монахом и внимательно следил за порядком.

Андрей Хват скучал в охранении.

До города добрались за три дня без каких-либо неприятностей – даже монах особо не мучил Ратибора разговорами о темных богах и подстерегающих отряд опасностях.

Кем были нападавшие – выяснить не удалось, никто не смог опознать наемников, как ни выпрашивал гридень в деревнях и селах.

Андрей проводил много времени с Алексием, визнавая все возможное про амулет. Оставалось выяснить последнее – как амулет выбирает избранного, – и можно будет ехать в Эрфурт. Через месяц Андрея должны были ждать там люди императора.

Берестье – небольшой, но бурно растущий город на берегу

Буга – встретил путников своеобразно. Наместник Шелом, старый знакомый Ратибора, вроде и рад был видеть киевлян, но при этом думал о чем-то своем – явно не особо приятном. Люди же на улицах косились на отряд мрачно, сердито, то и дело о чем-то шептались между собой.

– Что же, Шелом, горожане у тебя такие безрадостные? Мужики злые, девки молчаливые – смотрят все как волки. Али плохо ты руководишь поселением? – шутливо спросил Ратибор наместника на пути к гостевой избе.

Шелом вздохнул. Андрей заметил, насколько темны круги под глазами наместника. Он явно был чем-то утомлен. Также Андрей подметил, что у терема наместника, кроме берестовских дружинников, стояло несколько воинов, точно не имеющих никакого отношения к городу. Сытые, богато одетые, нагло смотрящие, они тщательно оглядели киевлян тяжелыми – с вызовом – взглядами, затем удалились в терем.

– Руководжу я хорошо, ни у схода, ни у князя вопросов ко мне нет, – наконец ответил Шелом. – А что до людей – на то две причины есть: одна с вами связана, а иная нет.

– С первой-то можешь и не начинать! Скажешь сейчас, мол, не любят киевлян в твоём городе, и всё тут!

– Не любят. – Наместник махнул рукой. – Это дело всегдашнее. Скажи лучше, кого у нас народ может любить из пришлых? Но это ерунда! А вот то, что за Киевом в Диком Поле Зло пробуждается неведомое – дело другое. Вот скажи, коль не сдюжит князь твой с напастью, куда побежит люд?

Правильно – сюда, на запад! А Зло пойдет куда? Верно – по следам людским, то есть к нам.

Ратибор хмыкнул:

– А вторая причина какова?

Шелом покосился в сторону своего терема:

– Ярополк, сын князя моего, в городе третий день стоит. Ходил на охоту на зубра – успешно, добыл зверюгу, затем праздновал. Вот второй день отдыхает после отмечаний, – наместник перешел на шепот, – боюсь, как бы сегодня снова не начал...

Андрей хмыкнул незаметно – он вроде понял, о ком шла речь. Ратибор поморщился:

– Постой, а не тот ли это княжич, что пару лет назад баб и детишек мадьярских...

Шелом схватил гридня за руку:

– Он, он. А ты потише говори, прошу. Вот тебе и причина, чего народ мрачный. Княжич до забав всяких охоч. Ему бы уже во Владимир возвращаться, а он у нас задержался, обратно не желает, но скоро, знаю я его, скучать начнет. А скука княжича – она...

– ...пострашнее яда аспида будет, – закончил за Шелома Ратибор.

Андрей поморщился. Теперь он вспомнил окончательно – слухи про младшего сына князя Владимирского ходили, пожалуй, по всей земле Русской. Только бы взбалмошный князек не решил участвовать в пытаниях...

Надежды Андрея не оправдались. До вечера pytania шли хорошо. Однако в какой-то момент снаружи раздались какие-то выкрики, и на пороге появился весь в золоте, полный молодой мужчина с отечным, будто раздутым, лицом.

Люд в избе расступился.

– Ну, монах, – Ярополк не говорил, он приказывал, – давай амулет! Мой он теперь!

– Прости, княжич, сначала должно посмотреть, примет ли он тебя. – Вперед выступил Ратибор, вставая между княжичем и Алексием, держащим амулет.

– Гриденя, ты понимаешь, с кем говоришь? Кого достойнее в княжестве сыщешь? Этих смердов?

– Любой здесь может быть достоин, – парировал Ратибор. – Не нам решать.

– Оскорбить меня вздумал?! Думаешь, вам, киевлянам, все можно? Не на своей земле стоишь ты, гриденя!

– Прости, княжич, – как бы покорно опустил голову Ратибор. – Ни словом, ни делом обидеть не хочу тебя. – Гриденя сделал шаг в сторону. – Дотронься до амулета – и поймем мы, достоин ты или нет!

В абсолютной тишине Ярополк потянулся за амулетом.

Секундой позже грянул выкрик Алексия:

– Не годен!

Монах ловко выхватил амулет из-под пальцев Ярополка.

Из углов, где стояли оттесненные претенденты, сначала тихо и несмело, а затем все громче и громче послышался смех: по нраву люду было лицо Ярополка – побагровевшее, надутое, готовое лопнуть от ярости вместе с владельцем. И наливалось оно алым все больше и больше с каждым мгновением.

Ярополк набрал в легкие воздуха и завопил:

– Паскуда киевская! Соглядатай Мстиславский! – и, выхватив меч, попытался разрубить монаха.

Оглушительный звон – это Ратибор успел оттолкнуть Алексея и подставить свой меч под удар княжича.

Гридни Ярополка тоже схватились за оружие. Алексей и два других дружинника бросились к ним.

Стоявший рядом с Андреем берестовский отрок тоже потянулся за мечом, Андрей схватил его за руку, да так хитро – жилу зажав, что рука отрока враз онемела и обвисла:

– Тише, тише!

Но быть бы кровавой драке, если бы в избу не вбежал наместник Шелом:

– Остановитесь! Ради Бога, стойте!

Наместник, а вместе с ним и местная дружина успели вовремя. Ратибора и Ярополка развели в стороны, затем путем долгих разговоров вроде бы даже и примирили между собой. Вроде бы.

Вернувшись в терем, Андрей прежде всего занялся раной.

Взял свечу, нашел укромное место, задрал штанину, размотал промокшие за день бинты.

Рана выглядела хуже, чем обычно, вся икра была горячей, и от нее вверх, под колено и на бедро, тянулись багровые полосы. Предсказание старого александрийского лекаря начало сбываться.

– Как полосы появятся, начинай считать седмицы. А как до тулова дойдут – дни считай.

А ведь спасение совсем рядом – считай, в соседней горнице!

Когда стемнело, Андрей, воспользовавшись okazjiей, покинул гостевую izбу и тихо направился к терему наместника.

– Ты куда, Хват? – спросил Ратибор.

– Скоро вернусь, одну вещь проверить хочу. – Не понравилось Андрею произошедшее сегодня в пыточной izбе. Не верил он ни княжичу, ни наместнику.

Андрею удалось добраться незаметно – где прокрасться в тени стены, где быстро пробежать на цыпочках за спиной у погруженного в свои мысли дружинника.

Вот и цель – приоткрытые ставни, еле слышен чей-то разговор.

Андрей замер, прислушался, а через несколько секунд уже крался обратно – гораздо быстрее.

В гостевой izбе же, пока Андрея не было, вспыхнул оже-

сточенный спор. Раскрасневшийся Алексей кричал на Ратибора:

– Уходить надо, дурья ты башка! Чую я слуг чернобоговых рядом! Тьма близко! – Монах тряс амулетом перед гриднем. Тот наливался краской.

Остальные дружинники столпились вокруг. На монаха они смотрели с сомнением, но все равно – испуганно.

– Успокойся, отец! Подыши, водицы испей...

– Не время пить водицу! – Длинный монах попробовал схватить за грудки Ратибора, тот проворно отступил назад.

– Алексей прав, нам надо бежать! – Андрей встал между монахом и гриднем.

– Что? – не понял Ратибор. – И ты туда же?!

– Я подслушал разговоры в тереме наместника. Дружинники княжича обсуждали, как в ночи придут по наши души. Дождутся, пока уснут, дальше горшки дымные в окошки побросают и брать будут, как выбегать начнем.

Кто-то из дружинников вполголоса выругался.

Ратибор тяжело вздохнул, посмотрел на Андрея, затем на монаха:

– Уходим немедленно. Сила нечистая да подлый князек – слишком много даже для нашего отряда. Путята, командуй общий сбор. Всем облачиться в ратное, боюсь, без боя не пройдем.

– За лошадьми идти? – спросил кто-то.

– Какие лошади! Пока забирать их будем, весь детинец на

ноги поставим. Оставим лошадей, пусть подавятся! – зло ответил Ратибор. – Давайте, общий сбор! Хват – помоги Алексею собраться.

Детинец покинули без задержек – Андрей заранее, по старой привычке, разведаль место, где тын был наиболее низок. Стражи было не видно. Шестеро воинов и монах без проблем добрались до ограждения.

Ратибор встал лицом к тыну, на его плечи встал Пулята, следом забрался Андрей, подтянулся, забрался на стену, сбросил веревку. С ней дело пошло быстрее. Даже монах не задержал отряд – неожиданно ловко он забрался наверх, и только капли пота на гладком черепе показывали, как нелегко ему это далось.

На улицах было безлюдно и абсолютно тихо. И чем-то эта тишина начинала беспокоить Андрея, давить на плечи.

Что-то не так было в городе Берестье. Бежать как можно быстрее! Бежать! Внезапно появившаяся тревога в груди не унималась. К тому же, напрягая слух, он уловил в воздухе едва заметный звук: во всех дворах еле слышно скулили собаки, словно чуяли какую-то грядущую беду.

Деревянные мостовые поскрипывали под ногами. Андрей несколько раз озираясь – казалось, что чей-то недобрый взгляд жжет ему спину. Алексей на ходу шептал еле слышно молитвы – вероятно, чуял то же, что и воин.

– К воротам идем! – прошептал Ратибор. – Нападаем ра-

зом, отворяем и уходим! – Он покосился на небо. Луна озаряла спящий город тусклым серебристым светом. – Сначала по дороге, затем в ле...

Договорить он не успел.

В стороне детинца громынуло – словно две или три молнии сразу ударили в землю. Небо осветилось, одновременно с этим со стороны ворот послышались крики.

– Бежим! – крикнул Ратибор. – Сейчас весь город проснется!

Они побежали. Оглянувшись, Андрей увидел, как над детинцем с поразительной быстротой поднимается зарево.

И он был уверен, что горит волшебным огнем гостевая изба.

– Оно! – глядя на зеленоватые языки пламени, крикнул Алексей. – Темное колдовство по наши души пришло. – Он несколько раз перекрестился и что-то зашептал вновь.

Из города спокойно уйти не получилось. Грохот разбудил всех. К тому же, как назло, стоило им пробежать две улицы, как из-за угла выскочили берестовские дружинники, направлявшиеся к детинцу, и сразу же набросились на чужаков.

– Стройся! – закричал Ратибор воинам. – Монаха назад. За Киев! За князя!

Андрей успел выстрелить пару раз, а после пришлось доставать меч и рубиться в ближнем бою.

Из Киева выходило двенадцать человек – гридень, монах

да десяток отроков. Пятеро погибли в лесу, четверо не выбрались из Берестья.

Всего их осталось – по пальцам одной руки пересчитать: Ратибор, монах Алексей, отрок Путята да сам Андрей. Город за спиной горел – теперь огонь пылал не только в детинце, но и даже в посадах.

Их не преследовали – судя по шуму, в городе сражались. Кто и с кем – было неясно.

– Ну, теперь нам только один путь – в Киев, да побыстрее! – рассеянно сказал Ратибор, глядя назад: – Дружину порубили, бежали, город подпалили – всё на нас повесят.

Алексий внезапно застонал, тяжело вздохнул и осел на землю. Андрей первым бросился к нему:

– Ранили?

Алексий медленно кивнул.

Андрей вспомнил, что последнее время монах бежал, держась за бок. Андрей еще думал – выдохся старик, может, закинуть сухого монаха на плечо и бежать так... А оказалось, не выдохся он вовсе...

– Покажи, – попросил он, пытаясь убрать руку Алексия, всю перепачканную свежей кровью.

Скверная рана, ой, скверная!

– Без толку! – покачал головой монах, еще крепче вжимая руку в рану. – Амулетними с меня!

– Рану покажи!

– Амулетними с меня, раб божий Андрей! – и видя удив-

ление, добавил: – Я многое вижу, Хват. Уважь умирающего, возьми амулет! – Другой рукой монах развязал и стянул мешочек, протянул амулет Андрею.

На мгновение стало страшно, но Андрей, пересилив себя, коснулся амулета.

Полыхнуло серебром!

– Избранник! Избранник среди нас! – Путята, казалось, забыл и о недавней битве, и о погибших дружинниках – настолько он был потрясен. Ратибор же молчал, пристально глядя на амулет.

Потрясенный Андрей усилием воли отогнал от себя все лишние эмоции – об амулете можно подумать позже. Надо было все-таки попробовать спасти монаха.

Рана у Алексея была прескверная. Вроде рана небольшая, но глубокая, да еще по правому боку, где печень. Уже светало, и было видно, насколько темна кровь на шерстяной власьянице.

Точно печень. Не жилец!

– Перевязать надо, – крикнул Андрей Ратибору, но в этот момент Алексей цепко схватил его за руку.

– Пустое, говорю тебе. Не трать время! – с явным трудом проговорил монах. – Повесь-ка на шею амулет, Хват, – твой он теперь, да в Киев ступай! – И, видя, что Андрей медлит, добавил: – Прошу. Ради Бога!

Андрей медленно надел амулет на шею, заправил его под

рубаху, и странное дело: вроде только что был он чуть теплый, но стоило его надеть – сразу будто бы стал ледяной. Взяв в руку амулет, Андрей понял, что не ошибся – был он на ощупь как лед, да к тому же весь мелко дрожал...

Что-то Алексей говорил об этом...

Засвистели стрелы!

Время потекло тягуче как патока...

Как-то совсем по-детски всхлипнул Путята и начал оседать на землю.

Закричал страшно Ратибор, приседая и закрываясь щитом.

А Андрей застыл, разинув рот в ужасе, глядя на ту сторону дороги, откуда из утреннего тумана выходили вооруженные луками воины.

Те самые, которых порубила дружина три дня назад.

Впереди шли угр в красной шапке, детина в волчьей шкуре и светловолосый балт с рассеченным наискось лицом. Увидев взгляд Андрея, балт оскалился, отчего рана зазияла еще больше, а затем коротким жестом указал остальным на него.

Надо было двигаться, бежать, хотя бы встать с колен, но Андрей не мог. Он просто не успевал подняться. А стрелы уже летели в него.

Ратибор прыгнул, выставляя вперед щит, закрывая им Андрея. Три стрелы отбить ему удалось, но четвертая, шед-

шая мимо Андрея, попала гридню в грудь.

С тяжелым стоном тот упал на землю.

Андрей наконец-то вскочил на ноги.

Надо было бежать. Бросить амулет, который наверняка был целью нечисти, и бежать прочь, в лес! Оставить Ратибора и Алексея и уходить. На запад, прочь из русских земель, где убитые возвращаются и пробивают простыми стрелами броню! В Германию, в Эрфурт...

Честь? Совесть? Ему платили всю жизнь за другое...

Взгляд на мгновение замер на Алексее, Ратиборе, убитом Путяте...

Простите меня...

Чтобы принять решение, Андрею хватило одного мгновения.

Подняв с земли меч, он двинулся навстречу врагам, без щита, он остался лежать позади. Времени подбирать его не было.

– Ну, что, покойнички? На мечях-то боязно? – выкрикнул Андрей.

У него была одна надежда – мертвецы были непростые, возможно, и сохранилась в их порубленных головах какая-то память о прошлой жизни.

Раз, два... Андрей почувствовал себя голым, стоя с мечом напротив мертвых лучников.

Сработало!

Белобрысый опустил лук и вытащил меч. Жестом приказал остальным остановиться и медленно двинулся навстречу Андрею. Щитом он, как и три дня назад, пренебрег.

Вблизи его рана выглядела еще ужаснее – удар Андрея рассек макушку, кожу на лбу, выбил один глаз и пробил скулу. Но кожа при этом была нормального, живого цвета – не как у трехдневного покойника. И пахло от мертвеца странно. Точнее – ничем не пахло.

Звон! Искры! Андрей с трудом отбил первый удар мертвеца.

О чем ты думаешь! – осадил он себя и, резко шагнув, сокращая дистанцию, ответил, пока еще не всерьез – щупая, проверяя соперника.

Удар! Защита! Попытка контратаки. Серия ударов. Защита! Еще удар!

Белобрысый умел драться, а теперь, будучи неживым, еще, видимо, и не уставал. Это было плохо. Да и прошедший один раз удар Андрея, угодивший балту в левую руку, казалось, совершенно не беспокоил мертвеца.

– Разумеется, – подумал Андрей, – с чего бы ему чувствовать боль. Он же мертвый!

Андрей отбил очередную серию ударов балта, сам перешел в атаку. Замахнулся справа, затем резко сменил направление удара и тут же, закрутив клинок, перевел его на первоначальную сторону.

Двойной финт, казалось бы, запутал врага – балт только-только заканчивал закрываться от удара слева и никак не успевал остановить меч Андрея... но не тут-то было.

Мертвец встретил удар безоружной левой рукой. Андрей бил мощно, и лезвие, прорубив кожу и жилы, едва не застряло в кости.

И тут уже последовал ответный удар, от которого воин смог уйти только в последний момент, еле прикрывшись щитом. Дернуло руку, что-то заболело в плече.

Вновь противники пошли по кругу, но теперь Андрею стало совсем не по себе. Он начинал уставать, болело плечо, а противник, похоже, был готов сражаться целую вечность.

Хорошо, что хотя бы не беспокоила рана на ноге!

Внезапно балт замер, отскочил назад и уставился Андрею за плечо. Это был бы старый как мир финт, если бы остальные враги не начали пятиться назад в явном испуге.

Андрей оглянулся и обомлел.

Придерживая рукой распоротый живот, за его спиной поднимался, держась за посох, Алексей. Цветом он был больше похож на ожившего мертвеца, чем нападавшие.

Те все пятились, одновременно поднимая луки и выцеливая монаха...

Алексий успел первым.

– Сгиньте во имя Господа! – От удара посохом земля заходила ходуном, всполох белоснежного огня полетел над са-

мой землей.

Андрей предусмотрительно прыгнул, пропуская пламя под собой, а мертвецы не успели.

Мгновение – и они взмыли в воздух, в груди у каждого запылал, зашелся огонек белого пламени. Еще одна вспышка – и тела разбойников взорвались, разлетелись по частям.

Алексий опустил посох и рухнул лицом вниз.

Андрей бросился к нему, перевернул – монах был мертв.

Послышался хриплый стон. Ратибор, приподнявшись, глядел на стрелу, пробившую его доспех, и медленно качал головой...

А со стороны Берестья слышался топот копыт.

3

– Ты понимаешь, куда мы идем? – спросил Ратибор, когда они остановились на очередной привал – точнее, когда изнемогающий Андрей, тащивший все это время гридня, посадил его под ближайшее дерево и сам опустился на землю, пытаясь отдышаться.

– В лес. Чем дальше уйдем, тем лучше!

Ратибор покачал головой.

– А потом что? – Гридень заерзал, пытаясь устроиться удобнее, и невольно застонал, потревожив рану в груди.

Как только они отошли от дороги подальше, Андрей обломил стрелу, перевязал гридня, но это мало что измени-

ло. Гриденя тяжело и часто дышал, то и дело заходился глубоким болезненным кашлем. Время от времени сплевывал кровь.

Скверная рана была у Ратибора. Надо было вытаскивать наконечник – но как это сделать в глухом лесу, да еще вслушиваясь постоянно – не идет ли погоня? К тому же, если вытащить наконечник – в рану воздух пойдет...

Лежать бы сейчас Ратибору в натопленной избе и лечение принимать от княжеских знахарей – тогда была бы хоть какая-то надежда. А бежать через лес, непонятно куда...

– Что потом? Место для ночевки искать будем, – ответил он Ратибору. – Костерок разведем. – Андрей мгновение помедлил. – Я наконечник выну, перевяжу хорошо, паутинкой, если разыщу, рану залеплю. С утра дальше пойдем. Так и до Киева доберемся.

– Без еды, не зная дороги...

Андрей постучал по своей суме:

– Еды немного есть у нас.

– Не потерял, не бросил... – протянул Ратибор. – Запасливый ты, Хват... Или тебя Андреем лучше звать?

Андрей пропустил это мимо ушей. Подошел к нему, помог подняться.

– Идти надо.

– Надо так надо. Веди уж, избранник, – слабо усмехнулся Ратибор.

Удача, казалось навсегда отвернувшаяся от отряда, вскоре улыбнулась им. Пройдя небольшое болотце и еще где-то с версту по густому ельнику (Андрею приходилось делать привалы все чаще – Ратибору явно становилось хуже), путники вышли к небольшому покосившемуся срубу.

– Хозяин? – позвал Андрей. – Есть дома кто?

Никто не ответил.

– Брошено здесь все, – подметил Ратибор, окидывая взглядом проваленную крышу. – Идем, пока я совсем не ослаб.

– Подожди! – Андрей подошел к крыльцу, постучал – никто не отозвался.

С трудом открыв разбухшую от сырости дверь, он зашел внутрь.

Внутри было темно и пыльно. Из дыры в крыше нападало сора. Печь была затянута паутиной. На треснутом столе стояла битая миска да лежала рядом ложка. У стены – крепко сработанный посох, на крючке – что-то вроде власяницы. В углу висело несколько образов, да не простых – в окладах.

Андрей перекрестился, огляделся еще раз и вышел во двор:

– Здесь ночуем. Хозяина в доме этом давно нет, год уж точно. Никому не помешаем.

Надо было заняться ранами Ратибора, да и свою ногу перевязать. Андрей внезапно понял, что уже долгое время ра-

на от аспида не давала о себе знать.

Вроде бы болела во время драки в городе. И когда бежали потом – тоже ныла, он еще думал – как бы не оступитья и не отстать...

Закатав штанину и сдвинув повязку, Андрей, не веря сам себе, уставился на покрытые свежей корочкой следы от укуса.

После ночного бега, боя, долгого пути по лесу рана не только не ухудшилась. Впервые за два года она выглядела заживающей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.